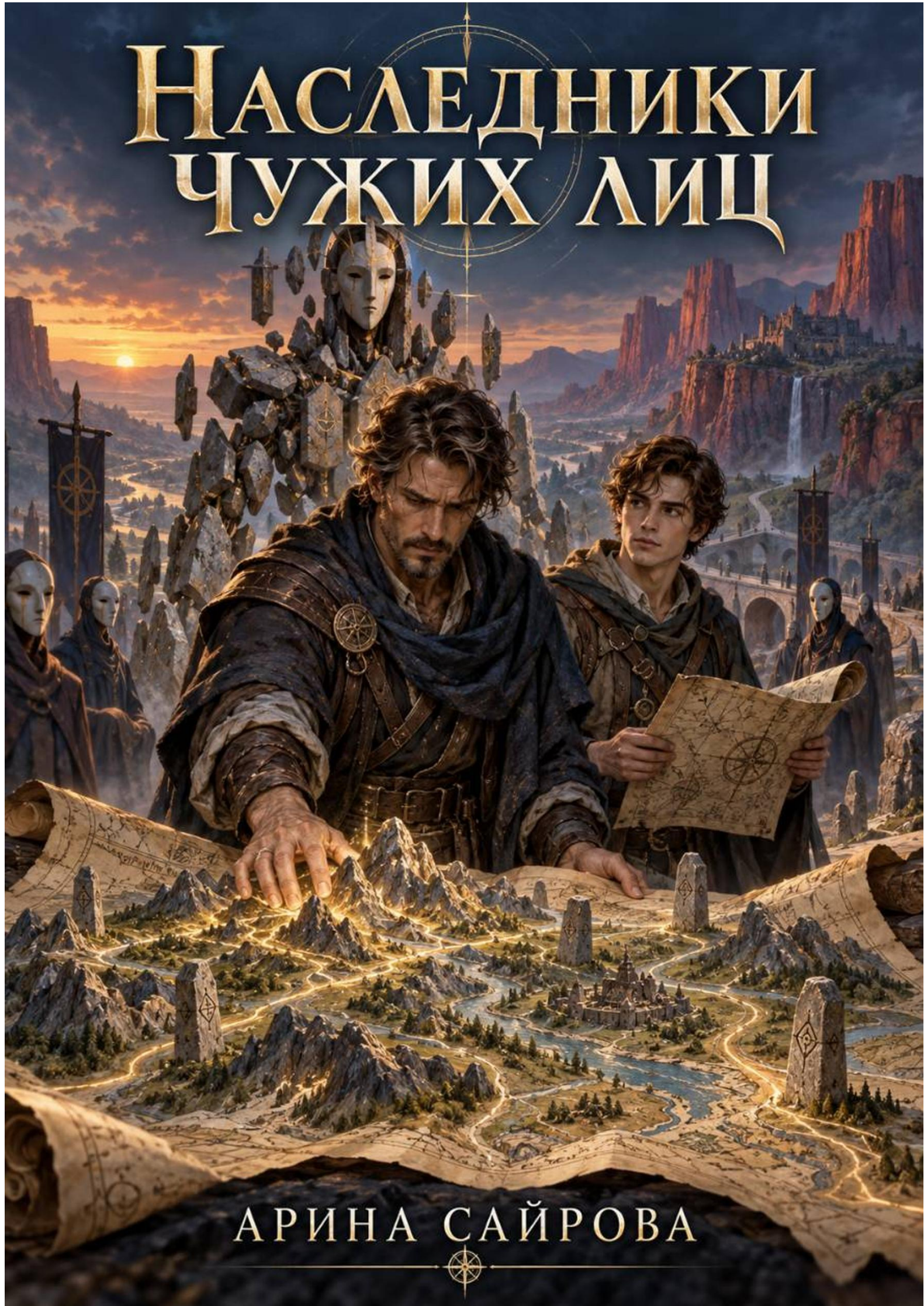

НАСЛЕДНИКИ ЧУЖИХ ЛИЦ

АРИНА САЙРОВА

Арина Сайрова

Наследники чужих лиц

«Автор»

2026

Сайрова А.

Наследники чужих лиц / А. Сайрова — «Автор», 2026

Картограф Нестор умеет наносить на карту земли, которых ещё нет. Они становятся реальными, когда человек точно и добровольно признаёт собственную ошибку. Но двадцать лет назад сам Нестор провёл первую межу по ложному замеру, подменил имя возразившего ученика и позволил княжеству превратить чужую подпись в наследственный долг. Теперь буквальный дух договора Межевик требует исполнения старой сделки. Залогом назначена жизнь Мирея — взрослого ученика Нестора, который не знал ни условий, ни имени погибшего родственника. Чтобы спасти его, недостаточно найти лазейку или назначить другую жертву. Нестору придётся пройти через земли, созданные признаниями, разделить вину, выгоду и обязательства множества людей и отказаться от права единолично решать, какой должна стать карта княжества. «Наследники чужих лиц» — фэнтези о цене удобной общей лжи, ремесле картографа и границе между ответственностью за своё действие и навязанной виной предков.

© Сайрова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Чернила идут на восток	6
Глава 2. Лицо старого мельника	17
Глава 3. Земля отвечает не всем	26
Глава 4. Межевик у камня	35
Глава 5. Чужая складка	44
Глава 6. Княжеский срок	50
Глава 7. Деревня без виноватых	59
Глава 8. Ошибка мастера	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Арина Сайрова

Наследники чужих лиц

От автора

Ошибку легко признать, если признание ничего не меняет. Гораздо труднее назвать её точно, когда после этого придётся вернуть землю, отказаться от удобного объяснения или увидеть собственные черты на лице другого человека.

В этой истории карты показывают не только реки и дороги. Они хранят решения, которыми люди однажды провели границу между своим и чужим. Земля здесь становится прочной от правды, но правда не служит заклинанием: произнесённая ради выгоды, она не выдерживает даже первого шага.

Это книга о долге, который нельзя честно передать вместе с фамилией, о ремесле, способном оправдать гордыню, и об ученике, чью жизнь мастер не вправе считать платой за прежнюю ошибку. Героям предстоит не избавиться от обязательств, а выяснить, какие из них они действительно приняли — и где заканчивается власть мёртвых над живыми.

Глава 1. Чернила идут на восток

Чернила ушли с пера раньше, чем Нестор коснулся бумаги.

Тонкая чёрная капля повисла между стальным остриём и белым листом, вытянулась ниткой и поползла на восток — туда, где на карте не было ничего, кроме выцветшего края старой сетки. Нестор задержал дыхание. Стол под ладонью оставался твёрдым, свеча не дрогнула, дверь походной чертёжной была заперта. Значит, сквозняка не было. Значит, земля опять решила появиться без разрешения.

Он накрыл каплю медной чашечкой.

Чашечка задребезжала. Из-под ободка выскочила чёрная жилка, обогнула грузики, пересекла пустой лист и остановилась у красного межевого знака. Там чернила собрались в маленькое блестящее озеро.

— Мирей, — позвал Нестор.

За полотняной перегородкой что-то тяжёлое упало, послышалось приглушённое ругательство. Ученик появился босиком, в рубаше, накинутой на одно плечо, и с сапожной колодкой в руке. Ему было двадцать два, но после сна он выглядел младше: тёмные волосы торчали в разные стороны, на щеке отпечатались шов подушки.

— Если опять мышь, я увольняюсь, — сказал он. — Картографом я занимался. Охотником на мышей — нет.

Нестор указал на стол.

Сон исчез с лица Мирей. Он поставил колодку на пол, приблизился и не стал тянуться к листу. За два года ученичества усвоил хотя бы это: самовольные чернила руками не трогают.

— Откуда началось?

— С пера.

— Вы макали его после полуночи?

— Нет.

— А чашку мыли?

— Вчера ты мыл.

— Тогда мы оба виноваты, — серьёзно заключил Мирей. — Вы доверили, я плохо вымыл.

Чернильное озерцо вспухло. По белой бумаге прошла рябь, будто под листом шевельнулась вода. Нестор схватил ученика за запястье и отдёргнул от стола. В следующую секунду из карты поднялся бугор высотой в ноготь. Бумага не порвалась. Она выгнулась, побелела на склонах, и на вершине проступила россыпь серых точек.

Мирей выдохнул:

— Камни.

— Пока только обещание камней.

— Разве обещания отбрасывают тень?

Нестор придвинул свечу. Крошечный холм и правда бросал тень. У восточного склона показалась ложбина, за ней — ещё одна. Чёрная жилка разделилась на три ручья. Один потянулся к красному знаку, второй оборвался посреди пустоты, третий повернул назад, к уже нанесённому посёлку Кривые Пруды.

Нестор знал этот почерк.

Он видел его двадцать лет назад на другой карте, в комнате с каменными стенами и слишком низким потолком. Тогда чернила тоже шли на восток. Тогда рядом стоял Савен, худой, упрямый, с обмороженными пальцами, и говорил, что долина не примет межу. Нестор не послушал. Теперь имя мёртвого ученика лежало под красным знаком так глубоко, что его не мог прочитать ни один писец.

Он убрал руку Мирей.

— Одевайся. И принеси серую рамку.

— Большую?

— Большую.

Ученик не двинулся. Он смотрел на карту, но пальцами ощупывал левую щёку, точно искал на ней порез.

— Что с лицом?

Мирей опустил руку.

— Ничего.

— Я спросил не для упражнения во лжи.

— А я ответил не для него.

Нестор взял свечу и поднял повыше. На щеке ученика, поверх красного следа от подушки, появилась узкая складка. Она шла от крыла носа к углу рта. Такая бывает у человека, который много лет щурится против снега или дыма. У Мирей вчера её не было.

— Подойди к зеркалу.

— Сначала карта.

— К зеркалу.

Мирей подчинился. Походное зеркало висело на центральном шесте, мутное, с пятном на оловянной подкладке. Ученик провёл пальцем вдоль складки, растянул кожу, отпустил. След остался.

— Может, спал лицом на ремне.

— На подушке нет ремней.

— Тогда постарел.

— За одну ночь?

— С вами год идёт за три.

Шутка не помогла. Мирей видел в зеркале то же, что и Нестор: складка была чужой. Не уродство, не рана, не след болезни. Первая черта долгового лица всегда казалась случайностью. На следующий день менялась линия бровей, через неделю — подбородок. Через месяц наследник просыпался похожим на умершего владельца долга сильнее, чем на родного отца.

Нестор поставил свечу.

— У твоей семьи были записанные обязательства?

— У какой из трёх?

— У той, чьё имя ты носишь.

— Вельды держали две лодки на княжеской переправе. Дед отслужил срок. Есть запись о снятии лица.

— Ты её видел?

— Мать показывала.

— Подлинник или выписку?

Мирей повернулся от зеркала.

— Выписку. Подлинник в Палате лиц, как у всех.

Нестор снова посмотрел на карту. Чёрная дорога дошла до красного знака и замерла. Сердце стукнуло тяжело и медленно. Он мог бы сказать ученику, что складка ничего не значит, велеть умыться холодной водой и заняться рамкой. До полудня они добрались бы до Палаты лиц. К вечеру нашли бы книгу Вельдов, если писцы не потребуют княжескую печать. Так поступил бы осторожный мастер.

Но под красным знаком дрогнула бумага, и Нестор увидел имя, которого там не могло быть. Всего две первые буквы, поднятые тенью снизу: «Са».

Он провёл ногтем по краю стола.

— Серую рамку, — повторил он. — Потом умоешься.

Мирей долго смотрел ему в лицо.

— Вы знаете, чья это складка.

— Я знаю, что сейчас карта опаснее твоей щеки.

— Это не ответ.

— Это порядок работы.

Ученик сжал губы, подобрал колодку и скрылся за перегородкой. Нестор услышал, как он пнул сундук. Через минуту Мирей вернулся одетым, с большой рамкой из серого ясеня. По углам были врезаны четыре кусочка старых межевых камней. Ни один не происходил из нынешнего княжества: местная земля могла уговорить карту солгать.

Они подняли лист вдвоём, не касаясь выпуклой долины, и уложили на рамку. Нестор закрепил края костяными зажимами. Мирей поднёс короб с песком.

— Белый или речной?

— Оба. Полосу между ними оставь чистой.

Ученик насыпал белый песок вдоль северного края, тёмный речной — вдоль южного. Если земля уже существовала, хотя бы в намерении людей, крупницы должны были двинуться к её руслам. Если карта лишь повторяла желание заказчика, песок остался бы на месте.

Сначала ничего не произошло.

За стеной просыпался Кривой Пруд. Скрипнула ставня булочника, заржала лошадь. Кто-то потянул ведро из колодца, и ворот ответил долгим деревянным стоном. Обычные звуки успокоили Мирея. Он перестал трогать щёку и наклонился ближе.

Одна белая крупница покатила вниз по бумажному склону.

За ней вторая.

Речной песок дрогнул всем рядом, потёк к нарисованной ложбине и лёг в неё тёмной ниткой. Карта приняла воду. Холм вырос ещё на толщину монеты. Серые точки превратились в камни, между ними показалась жёлтая трава.

Мирей улыбнулся, забыв о лице.

— Она настоящая.

— Она хочет стать настоящей.

— Всегда вы портите лучший миг.

— Потому и дожил до сорока трёх.

Нестор достал мерную иглу. Её делали из железа, поднятого со дна старых колодцев: такой металл помнил землю до любой межи. Он вставил иглу в отверстие рамки и медленно повёл над новым рельефом. На западном склоне острие осталось серебристым. Над ложбиной потемнело. У красного знака стало чёрным.

— Здесь ошибка, — сказал Мирей.

— Здесь долг.

— Разве не одно и то же?

— Ошибка принадлежит тому, кто сделал. Долг могут повесить на кого угодно.

— А карта различает?

— Если признание точное.

Нестор вынул иглу. Чёрный налёт лёг на кожу, как сажа. Он вытер пальцы ветошью, но между линиями ладони осталась тёмная полоска.

С улицы ударили в дверной молоток.

Не постучали, а именно ударили — три раза с одинаковым промежутком. Княжеский гонец. Мирей быстро прикрыл карту второй рамой. Нестор убрал иглу в футляр и только после этого открыл дверь.

На пороге стояла женщина в дорожном плаще цвета мокрой глины. За её спиной держали поводья двое конных стражников. На груди женщины висела медная дощечка наместницы Велены Орш: раскрытая ладонь над межевым камнем. Саму Велену Нестор видел однажды издали и был рад, что сейчас явился всего лишь посыльный.

— Картограф Ладожин?

— Да.

— Ученик Мирей Вельд?

Мирей встал рядом.

— Здесь.

Посыльная посмотрела на его щеку чуть дольше, чем требовала вежливость. Значит, увидела. Значит, знала, что искать.

Она вынула из-под плаща свиток, стянутый не лентой, а полосой тонкой кожи. На коже проступали черты человеческого лица: закрытый глаз, край рта, ямка на подбородке. Такие печати ставили на приказах, затрагивавших наследственные обязательства.

— По воле наместницы восточной окраины вам надлежит к полудню явиться к первому дорожному столбу, — произнесла женщина. — Взять все инструменты для съёмки возможной земли. Запас на сорок дней предоставит казна. Отказ считается признанием неспособности исполнить долг мастерской.

— У моей мастерской нет княжеского долга.

— Был принят вместе с лицом.

— Чьим?

Посыльная перевела взгляд на Мирея.

Ученик перестал улыбаться.

— Моим? — спросил он.

— Это будет прочитано у столба.

— Прочитайте сейчас.

— Я не хранительница текста.

— Он у вас в руке.

— Я не хранительница текста, — повторила она. — Мне поручено доставить закрытый приказ и получить знак прибытия.

Нестор протянул ладонь.

— Тогда отдайте.

Посыльная не двинулась.

— Приказ откроет наместница.

— Вы принесли его мне.

— Я принесла вас к нему.

Фраза была писцовой, отточенной долгими годами перекладывания ответственности. Нестор почувствовал знакомое раздражение. Когда-то он сам любил такие точные слова: ими можно было построить мост над любой виной и ни разу не коснуться воды.

— Кто назвал мастерскую должником? — спросил он.

— Палата лиц.

— На каком основании?

— Это будет прочитано у столба.

— Кем заверена запись?

— Это будет прочитано у столба.

Мирей шагнул вперёд, но Нестор придержал его за плечо.

— Мы придём.

— До полудня, — сказала посыльная. — После третьего удара дорожного колокола отсутствие станет отказом.

Она повернулась. Один из стражников помог ей сесть на коня. Второй всё это время разглядывал дверь, будто ожидал, что из неё выскочит сама новая земля. Копыта застучали по утренней улице и скоро стихли.

Мирей сбросил руку мастера.

— Вы слишком быстро согласились.

— Нас вызвали туда, куда ведут чернила.

— Нас вызвали до того, как они пошли.

— Возможно.

— Не «возможно». Посыльная знала про лицо. Она смотрела сюда.

Он ткнул пальцем в складку. Теперь она казалась глубже. Или утренний свет падал иначе.

Нестор закрыл дверь и поставил засов.

— Сядь.

— Наконец-то.

— Не радуйся. Я хочу осмотреть лицо при хорошем свете.

— А я хочу знать, почему вы побледнели, когда карта дошла до красного знака.

— Я не бледнел.

— Признание неточное. Земля не появится.

Нестор резко посмотрел на него. Мирей выдержал взгляд. Этому он тоже научился за два года: брать правило ремесла и возвращать мастеру остриём вперёд.

— Хорошо, — сказал Нестор. — Я узнал место.

— Какое?

— Первую восточную межу.

— Её провели до моего рождения.

— До твоего — да.

— Вы там были?

— Был.

— Один?

Вопрос лёг точно на старый шрам. Нестор подошёл к сундуку с инструментами, откинул крышку и стал доставать ремни. Компас возможных дорог, две мерные цепи, складной отвес, три коробки песка. Каждая вещь имела своё место. Если укладывать их медленно, можно было отложить ответ на несколько минут.

Мирей забрал у него компас.

— Один?

— С отрядом землемеров.

— Я не про отряд.

— Тогда спроси то, что хочешь спросить.

Ученик положил компас обратно.

— Чьё лицо я ношу?

Внутри чертёжной стало тихо. За стеной булочник ругался с возчиком из-за мешка муки. В обычной жизни спор уже дошёл бы до цены и закончился взаимными обвинениями. Здесь каждое слово словно ждало, станет ли под ним земля.

Нестор поднял взгляд на лицо Мирея. Пока это было его лицо: широкий лоб, тёмные глаза, чуть слишком длинный нос, сломанный в детстве передний зуб. Только складка принадлежала другому. Савен шурился так с шестнадцати лет, когда попал под снежный блеск на соляной равнине.

— Я не знаю, носишь ли ты чьё-то лицо, — сказал Нестор. — Одной черты недостаточно.

Карта под рамой глухо треснула.

Они оба обернулись.

На новом холме прошла расселина. Несколько камней осыпались в бумажную ложбину. Нестор точное признание, подумал Нестор. Не ложь — хуже. Ответ, обрезанный так, чтобы говорящий мог считать себя честным.

Мирей подошёл к столу.

— Карте тоже не понравилось.

— Карта не судья.

— Но склон обвалился.

— Потому что земля не любит неопределённости.

— Я тоже.

Нестор опёрся ладонями о край стола. Можно было продолжить уклоняться. До первого столба оставалось четыре часа, а закрытый приказ наверняка содержал больше, чем он способен рассказать сейчас. Разумный человек дождался бы текста. Разумный мастер не пугал бы ученика догадкой.

Но он уже однажды дождался удобного текста. Тогда писец принёс договор после смерти Савена, и Нестор поставил имя мёртвого в пустую строку, потому что без подписи вся восточная межа рассыпалась бы за одну ночь.

— Его звали Савен, — произнёс он.

Карта дрогнула. Расселина перестала расти.

Мирей не шевельнулся.

— Кто он?

— Мой ученик.

— До меня.

— Задолго до тебя.

— У него была такая складка?

— Да.

— Он умер на первой меже?

— Да.

— Как?

Нестор выпрямился.

— Под ним не удержалась земля.

Холм на карте снова треснул. На этот раз обвалился целый склон. Бумажные камни посыпались, ударяя друг о друга с едва слышным сухим стуком.

Мирей криво усмехнулся.

— Похоже, она не удержалась не сама.

— Я расскажу у столба, когда увижу договор.

— Вы расскажете то, что договор позволит?

— Я расскажу то, что помню.

— Это разные обещания.

Ученик ушёл за перегородку. Нестор не остановил его. Там закрипели ремни, стукнула крышка дорожного ящика. Мирей собирался быстро и сердито, но ничего не бросал. Даже обида не позволяла ему портить инструмент.

Нестор снял верхнюю раму. Новая долина лежала на листе как маленькая рана. Обрушенный склон закрыл часть ручья. Вода, которой ещё не существовало, скапливалась за камнями и искала выход. Если до полудня никто не назовёт ошибку точно, давление разорвёт лист. Тогда то же случится на пустоши: земля попытается появиться, не найдёт формы и утянет за собой ближайший настоящий участок.

Кривые Пруды стояли в трёх вёрстах от края возможной долины.

Нестор взял чистую полоску бумаги и написал: «Я провёл первую восточную межу по неверной опоре».

Положил полоску у расселины.

Ничего.

Слова были правдой, но не ошибкой. Неверная опора могла оказаться плохим камнем, сломанным прибором, туманом. В ней не было поступка.

Он перевернул полоску.

«Я не проверил предупреждение Савена».

Камни на склоне дрогнули. Один поднялся из ложбины и встал на прежнее место. Признание приняли, но силы не хватило. Нестор почувствовал, как внутри исчезает привычная фраза: у нас не было времени. Он попытался мысленно произнести её и обнаружил пустоту. Время у них было. Он просто боялся, что проверка задержит работу и княжеский заказ уйдёт старшему мастеру.

Сила пришла сразу. Пальцы потеплели, зрение стало резким. Он увидел отдельные волокна бумаги, крупинки засохшей туши, пыль на краю рамки. Признанная ошибка всегда так действовала: отнимала укрытие и взамен давала ясность. Потому сильные картографы казались людям мудрыми. Никто не видел, сколько удобных объяснений они похоронили под своими дорогами.

Но складка на лице Мирея осталась.

Нестор сжёг полоску над чашей. Признания, оставленные без свидетеля, годились для починки малого рельефа, но не меняли договоров.

К полудню у первого дорожного столба собралась половина посёлка.

Столб стоял за последними домами, на границе пашни и белёсой пустоши. Когда-то здесь начиналась княжеская дорога, но три года назад она свернула сама: колеи ушли на север, а каменная насыпь каждое утро оказывалась чуть дальше от востока. Возчики перестали спорить с землёй и проложили объезд. Старый столб остался один, весь в зарубках и полосах выцветшей краски.

Сегодня вокруг него поставили навес. Под навесом сидела наместница Велена Орш.

Она оказалась ниже, чем помнил Нестор, и крепче. Светлые волосы были убраны под кожаную сетку, на сером дорожном платье не было украшений, кроме медной дощечки. Справа стояли два писца с книгами, слева — трое людей в гладких глиняных личинах. На личинах не было глазных отверстий, однако люди поворачивали головы вслед за каждым движением. Долговое лицо позволяло видеть не глазами, а обязанностью: мельник замечал зерно, страж — оружие, сборщик — имущество. Всё остальное для них постепенно тускнело.

Мирей шёл рядом с Нестором и молчал. Складку он не прятал.

У края толпы их встретила женщина лет тридцати с мучной пылью на рукавах. Её собственное лицо ещё проступало под чужими чертами, как рисунок под тонкой тканью. Правый глаз был молодой, левый — мутный, стариковский. Подбородок раздвоился, кожа вокруг рта обвисла.

— Мастер Ладожин? — спросила она.

— Да.

— Я Тая Сверш, мельница у Чёрного ручья. Вчера хоронила деда. Сегодня проснулась вот так.

Она коснулась стариковской половины лица.

— Вам прочитали долг?

— Сказали, после дороги.

— Имущество приняли?

— Мельницу? Она и без принятия моя. Я на ней пятнадцать лет работаю.

— Был обряд лица?

— Писец велел поцеловать дедову печать. Сказал, иначе нельзя закрыть могилу.

Нестор посмотрел на писцов под навесом. Один из них быстро опустил голову к книге.

— Вы знали, что поцелуй означает согласие на долг?

— Какой ещё долг? Дед никому не был должен. Люди ему должны.

Глиняная личина у столба повернулась к Тае. На гладкой поверхности проступила тонкая трещина.

Велена поднялась.

— Мастер Ладожин, — сказала она. Голос у неё был негромкий, и толпа сама притихла.
— Вы прибыли. Покажите карту.

Нестор и Мирей установили серую рамку на козлы. За дорогу долина выросла. Теперь бумажный холм поднимался на высоту двух пальцев, ручей блестел настоящей водой, а обвал на склоне остановился у тёмной полосы. Люди подались вперёд. Кто-то прошептал молитву.

Тая Сверш прижала ладонь к стариковской половине лица.

— Там моя мельница?

— Пока там ничья земля, — ответил Нестор.

— Но ручей идёт к моему колесу.

— Если долина станет настоящей.

— Сделайте.

— Я не могу сделать её один.

Велена кивнула старшему писцу. Тот развернул свиток с кожаной печатью. Полоса лица на коже открыла глаз.

По толпе прошёл вздох.

— Запись первой восточной межи, год Медного Града сто восемьдесят второй, — прочитал писец. — Земли за Кривыми Прудами признаются возможным владением княжества при условии, что дорога замкнёт семь межевых камней. Картографская мастерская получает право рисования и принимает ответственность за неустойчивую землю. Если дорога не замкнута к сороковому дню после движения чернил, Межевик взыскивает опору с ученического лица мастерской.

Мирей стоял неподвижно.

Нестор услышал только последние слова.

— Чью опору? — спросил он.

Писец слотнул.

— Жизнь.

Толпа отодвинулась от Мирей, словно долг мог перепрыгнуть с его лица на чужое.

— Назовите носителя, — потребовал Нестор.

— Договор не содержит личного имени. Он говорит об ученическом лице мастерской.

— В моей мастерской не было наследственного лица.

— Было принято при посвящении.

Мирей повернулся к Нестору.

— Два года назад?

Нестор вспомнил маленькую чашу с водой, белую глину на лбу ученика, три вопроса о ремесле. Обряд был старым, но обычным. Его проходили все картографы. Мирей коснулся ладонью рамки и повторил: «Я принимаю линию мастера, пока не проведу свою». Нестор считал это красивыми словами.

Нет. Не считал. Предпочитал считать.

На карте треснул второй склон.

Из-под старого дорожного столба донёсся скрежет.

Земля раздвинулась. Между корнями сухой травы показался серый камень, мокрый, будто его только подняли со дна реки. Затем второй, третий. Они встали друг на друга, складываясь в высокую сутулую фигуру. В щелях между камнями горел тусклый красный свет. Лица у духа не было. Вместо него белела ровная межа, проведённая сверху вниз.

Три человека в глиняных личинах опустили на колени. Велена осталась стоять.

Межевик повернулся к Мирей.

— Ученическое лицо найдено, — произнёс он. Голос шёл сразу из всех камней, и каждое слово звучало отдельно, без дыхания. — Срок начат.

Мирей побледнел, но не отступил.

- Я не принимал жизнь как залог.
- Принята линия мастера.
- Я не знал условия.
- Знание не записано условием принятия.
- Тогда принятие нечестное.
- Честность не записана мерой действительности.
- Нестор шагнул между духом и учеником.
- Договор подписан умершим.
- Красная межа на месте лица повернулась к нему.
- Договор подписан картографской мастерской.
- Назови имя подписавшего.
- Савен Ладожин.

В мире осталось только это имя.

Нестор не слышал толпу, ветра, скрипа навеса. Он видел руку Савена на снегу: пальцы без перчатки, ногти синие, под ладонью расползается линия несостоявшейся дороги. Савен никогда не носил фамилию Ладожин. Ученик не был усыновлён, не получал мастерского лица и не мог подписать обязательство мастерской.

Фамилию дописал Нестор.

— Это поддельное имя, — сказал Мирей.

Нестор обернулся. Ученик смотрел не на духа, а на него.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что у вас такое лицо, когда вы видите чужую ошибку и понимаете, кто её сделал.

На карте ручей прорвал бумажный завал.

В настоящей пустоши что-то загрохотало. Люди закричали и повернулись к востоку. По ровной белёсой земле шла тёмная полоса. Она приближалась, ломая сухую корку. Из пустоты поднимались камни, трава, мокрая глина. Рождался берег ручья — слишком крутой, непрочный, без русла для воды.

— Все назад! — крикнул Нестор. — На пашню, за последнюю борозду!

Толпа побежала. Тая Сверш споткнулась; стариковская половина лица повернулась к возникающей долине и потянула тело в другую сторону.

— Мельница, — хрипло сказала она. — Долг требует мельницу.

Мирей схватил её за руку. Нестор подхватил с другой стороны. Вместе они перетаскивали женщину через глубокую борозду. За их спинами пустошь просела. Из земли ударила вода, коричневая от глины, и понесла камни к посёлку.

Нестор упал на колени перед картой. Мирей оказался рядом.

— Что делать?

— Найти первую принятую ошибку.

— Чью?

Нестор посмотрел на Таю. Молодая мельничиха лежала за бороздой, прижимая ладони к лицу. Её дедова половина вслух считала мешки, колёса и годы помола. Собственный рот Таи повторял: «Я не знала».

— Её, — сказал Нестор. — Но не за деда. За себя.

Он подбежал к женщине и опустился рядом.

— Тая, почему вы поцеловали печать?

— Чтобы закрыть могилу.

— Это причина. Где ошибка?

— Я не знала про долг!

— Это правда, но не ошибка.

Вода дошла до первой борозды. Земля задрожала.

Тая подняла разное лицо: половина тридцатилетней женщины, половина старого мельника.

— Я хотела мельницу, — прошептала она. — Боялась, что двоюродные братья оспорят. Писец сказал не читать, пока печать тёплая. Я согласилась. Я сама велела матери молчать, когда она спросила, что в книге.

Нестор услышал, как признание входит в землю.

Не громом, не музыкой — тяжёлым вздохом мокрой глины. На карте берега ручья опустились, стали положе. В настоящей пустоши вода повернула вдоль новой ложбины. Перед первой бороздой выросли два каменных устоя, между ними протянулась дуга моста. Сначала прозрачная, как лёд, потом серая и твёрдая.

Тая вскрикнула. Стариковская половина лица отступила к виску, оставив глубокую складку у рта.

Межевик подошёл к мосту и поставил на первый камень тяжёлую ступню.

— Ошибка признана владельцем, — сказал он. — Земля принята на одну меру.

— А её долг? — спросил Мирей.

— Сохранён в пределах текста.

— Какого текста?

— Не прочитанного наследницей.

Тая засмеялась — коротко и зло.

— Значит, мне всё-таки дадут прочитать после того, как я согласилась?

Дух не ответил. Для него вопрос не содержал требования.

Велена Орш подошла к карте. Подол её платья был в грязи, медная дощечка висела набок.

— Один мост за одно признание, — сказала она. — До седьмого камня около ста двадцати вёрст. Сколько понадобится ошибок?

— Настоящих — меньше, чем у вашего правления, — ответил Мирей.

Нестор ожидал окрика, но наместница только посмотрела на ученика внимательнее.

— Сорок дней, — сказала она. — После этого дух возьмёт вашу жизнь. До тех пор вы нужны дороге.

— Какая удача.

— Не удача. Условие.

Она повернулась к Нестору.

— К вечеру получите обоз, людей и книги долговых лиц. Вы поведёте дорогу.

— Сначала откроете запись Савена.

— Запись лежит в столичном архиве.

— Тогда пошлите за ней.

— Сорок дней не ждут столичных писцов.

— И жизнь моего ученика не ждёт вашей осторожности.

Мирей тихо сказал:

— Не называйте меня своим, когда речь о долге.

Нестор почувствовал удар точнее пощёчины. Ученик уже смотрел на новую долину. За мостом поднимались два невысоких холма, между ними блестел ручей. Дальше снова лежала белая пустошь. На горизонте, где прежде воздух дрожал над солью, показалась чёрная точка первого межевого камня.

На щеке Мирея чужая складка стала глубже.

Нестор хотел сказать, что не отдаст его духу. Слова были бы простыми, сильными и пустыми. Пока он не знал договора, такое обещание означало лишь готовность найти кого-то другого для платы.

Поэтому он сказал иначе:

— Я не соглашусь заменить твою жизнь чужой.

Мирей посмотрел на него. Гнев не исчез, но под ним появилось внимание.

Карта выдержала слова. Ни один склон не треснул.

Межевик ступил на мост второй раз. Камни под ним загудели.

— Первая мера пройдена, — произнёс дух. — Осталось тридцать девять дней.

Нестор поднял серую рамку. На её восточном краю проступила новая чёрная линия. Она шла к первому камню и дальше, в земли, которых пока не было.

Глава 2. Лицо старого мельника

К вечеру мост успел обрасти слухами.

Одни говорили, будто Тая Сверш выстроила его одним признанием и теперь может поднимать из пустоши дома. Другие — будто мост принадлежит её покойному деду и каждый прошедший по нему становится должником мельницы. Третьи уже продавали щепки от досок, которых на каменном мосту никогда не было.

Нестор велел поставить у въезда две жерди и никого не пропускать.

— Значит, мост всё-таки ваш, — сказала Тая.

Она сидела на складном ящике возле серой рамки. После признания лицо почти вернулось, но у левого виска сохранялась старикинская впадина, а угол рта время от времени дёргался, словно дед хотел что-то добавить. На коленях Тая держала книгу мельничных счетов. Книгу принесла её мать, однако открыть не позволила: сначала требовала прочесть княжеский долг.

— Мост пока ничей, — ответил Нестор. — Поэтому я не позволяю толпе проверить его на прочность.

— У ничейного моста нашёлся хозяин запрета.

— Нашёлся человек, который видел, как возможная земля складывается вместе с людьми.

— И теперь боится ошибки?

Нестор посмотрел на неё. Тая не улыбалась.

— Теперь знает её цену.

Рядом Мирей натягивал бечеву между первым устоем и межевым столбом. Он работал молча с тех пор, как обоз покинул Кривые Пруды. Чужая складка на щеке не исчезла. В закатном свете она казалась тонкой полосой угля.

За жердями ждали трое писцов, десятник дорожных рабочих и человек в гладкой долговой личине. На его груди висел мешочек с мельничной печатью. Он прибыл из Палаты лиц, чтобы прочесть обязательство Свершей, но отказывался начинать без мостового свидетеля.

— Кто такой мостовой свидетель? — спросила Тая.

— Тот, кто первым перейдёт возникшую землю и подтвердит, что она держит одинаково в обе стороны, — объяснил Нестор.

— Вы?

— Нет.

— Боится, — тихо сказал Мирей, не поднимая головы.

Нестор сделал вид, что проверяет зажимы рамки.

— Мастер не может свидетельствовать собственную карту.

— Но карту делали не вы, — заметила Тая. — Её сделала моя ошибка.

— Ваше признание дало ей опору. Форму рассчитал я.

— Форму она выбрала сама.

Мирей завязал последний узел и выпрямился.

— Вот поэтому нужен текст долга. Мы спорим, кому принадлежит мост, даже не зная, зачем он возник.

Человек в личине повернул к нему гладкое лицо.

— Мост возник для исполнения мельничного обязательства.

— Вы его прочитали?

— Я его вижу.

— Чем?

— Лицом.

— Тогда скажите вслух.

— Не передан порядок чтения.

Мирей шагнул к нему.

— Порядок чтения передаётся отдельно от текста?

— Да.

— А если его не передали никогда?

— Текст сохраняется непрочитанным.

— Сколько лет?

— Пока существует лицо.

— А лицо существует, пока не исполнен текст?

— Да.

Мирей обернулся к Нестору.

— Очень удобная вечность.

Нестор знал такие узлы. Писцы называли их замками от забывчивости: одно условие охраняло другое, и никто не мог случайно освободиться от долга. На деле замок часто охранял долг от исполнения. Обязанность кормила сборщиков, хранителей печатей, толкователей и Палату лиц. Закрывать её значило лишить десяток людей привычной платы.

К мосту подъехала Велена Орш. Она сменила платье на дорожные штаны и короткий плащ. За ней везли два сундука и связанную кипу межевых кольев.

— Почему стоим? — спросила наместница.

— Нет свидетеля, — ответил десятник.

— Назначьте.

— Назначенный не считается свободным.

Велена спешила.

— Тогда предложите плату.

— Оплаченный не считается беспристрастным, — сказал писец.

— Найдите желающего.

— Желающий получить выгоду от новой земли не считается беспристрастным.

Наместница медленно сняла перчатки.

— Кто придумал правило, по которому первый переход должен совершить человек без приказа, платы и желания перейти?

Человек в личине поднял мешочек с печатью.

— Род Оршей. Сто семь лет назад.

Мирей кашлянул, пряча смех. Велена посмотрела на него, затем на мост.

— Я перейду.

— Вы представляете владельца договора, — возразил писец.

— Тогда кто остаётся?

Все взгляды сошлись на Тае.

Она прижала книгу к животу.

— Я дала опору. Я заинтересована.

— Мельничное лицо заинтересовано, — сказал хранитель. — Тая Сверш до полного чтения остаётся отдельной стороной.

— От собственного лица?

— Да.

— Удобно, — повторил Мирей.

Тая встала и отдала книгу матери.

— Если мост провалится, долг исчезнет?

— Нет, — ответил хранитель.

— Тогда хоть что-то в нём честно.

Она подошла к жердям. Нестор преградил дорогу.

— Сначала обяжем вас страховочной верёвкой.

— Тогда я перейду не сама.

— Верёвка не несёт вас.

— Но вы сможете вернуть меня.

— Если камни не удержат.

Тая посмотрела через его плечо. Мост был коротким — двенадцать шагов над новым ручьём. Вода текла неглубоко, но по дну перекатывались острые обломки. Дальше начиналась трава, ещё редкая, прозрачная по краям.

— Мой дед всю жизнь говорил, что мельница наша, потому что он её спас от паводка, — сказала она. — Сегодня выяснилось, что даже лицо не наше. Обвязывайте.

Нестор закрепил верёвку вокруг её пояса. Второй конец взял Мирей. Тая поставила ногу на первый камень.

Мост ответил низким гулом.

Хранитель поднял печать. На гладкой личине появилась щель рта.

— Первый шаг принят.

Тая перенесла вес. Камень не просел. Второй шаг дался легче. На середине моста чужая половина лица вдруг повернулась назад, а тело продолжило идти вперёд. Женщину развернуло. Верёвка натянулась.

— Не тяните! — крикнула она.

Мирей ослабил хватку.

Стариковский рот открылся.

— Колесо должно князю три оборота из двадцати, — произнёс он голосом, похожим на скрип жерновов.

Тая ударила себя ладонью по щеке.

— Замолчи.

— За мост к восточному луку — пять оборотов.

— Какой ещё луг?

На противоположном берегу трава стала гуще. Из земли поднялись белые цветы. Дальше проступил прямоугольник поля, слишком ровный для дикой долины.

— Мост помнит плату, — сказал Нестор. — Не останавливайтесь.

Тая сделала ещё шаг.

— За право удерживать плотину — один день помола в месяц без платы.

Каждая строка долга вытягивала из возможной земли новую деталь. Показалась тропа к будущей мельнице, ряд ив, широкая заводь. Это было не создание мира, а проявление старого замысла: кто-то заранее описал, что получит род Свершей в обмен на работу.

— Последний шаг, — сказал Мирей.

Тая сошла с моста.

Камни загудели снова. По ним прошла светлая волна от одного берега к другому и обратно. Хранитель опустил печать.

— Переход равен в обе стороны. Земля свидетельствована.

— Теперь читайте, — сказала Тая.

— Порядок чтения не передан.

Она рванулась к нему, но верёвка всё ещё держала её на другом берегу. Нестор перехватил канат.

— Мирей, проводи обратно.

— Почему я?

— Потому что мост уже свидетельствован.

— Я не про мост.

Ученик смотрел на хранителя. Нестор понял: Мирей хотел, чтобы мастер сам шагнул на землю, поднятую чужим признанием. Хотел увидеть, доверяет ли тот своей работе.

Нестор взял верёвку и пошёл.

Первый камень был холодным. Второй чуть качнулся. На третьем перед глазами вспыхнуло воспоминание: Савен идёт по снежной полке впереди, пробует каждый шаг шестом. Нестор торопит его, потому что княжеский наблюдатель ждёт у костра. «К вечеру межа должна стоять». Савен оборачивается и говорит: «Она не знает, чья она».

Нестор остановился.

— Мастер? — позвал Мирей.

— Всё держит.

Он сделал оставшиеся шаги. На другом берегу Тая позволила снять верёвку, но руку не подала.

— Вы знали, что лицо само прочитает долг на мосту?

— Предполагал.

— Предупредить забыли?

Нестор хотел ответить, что времени не было. Привычная фраза не пришла. После утреннего признания она стала недоступна, как слово на незнакомом языке.

— Боялся, что вы откажетесь и земля снова поплывёт, — сказал он.

Тая кивнула.

— Вот это похоже на правду.

Они вернулись вместе. Теперь мост молчал.

Велена приказала зажечь четыре фонаря и поставить вокруг стола щиты от ветра. Хранителя посадили напротив Таи. Писцы раскрыли книги. Мирей положил между ними чистый лист и приготовил два пера.

— Одно зачем? — спросил старший писец.

— Одним запишете вы, другим — Тая или тот, кого она выберет.

— Долговую запись ведёт Палата.

— Поэтому никто за сто лет не знает, что там написано.

— Ученик, — предупредил Нестор.

— Что? Я ошибся?

Старший писец поджал губы.

— Простолюдин может неверно передать меру.

— Тогда вам будет легко показать различие.

Тая взяла второе перо.

— Я умею вести мельничный счёт.

— Это не одно и то же.

— Верно. В моём счёте, если я запишу мешок, которого не было, меня побьют.

Даже Велена усмехнулась. Писец покраснел, но спорить не стал.

Хранитель приложил мельничную печать к гладкой личине. Глина размягчилась. На ней проступило лицо старого Сверша целиком: мутные глаза, тяжёлые щёки, сломанный когда-то нос.

— Обязательство рода Свершей, — начал он. — За право поставить колесо на Чёрном ручье мельница отдаёт княжескому двору три полных оборота из каждых двадцати.

— Оборота чего? — спросила Тая.

— Колеса.

— Три оборота колеса нельзя отдать.

— Можно отдать сделанную ими работу.

— Так и написано?

Хранитель застыл.

— Нет.

— Тогда что написано?

— Три полных оборота.

Мирей макнул перо.

— Значит, можно пометить три оборота краской, не подводить зерно и отдать князю сам шум?

— Договор требует обороты.

— Не муку.

— Не муку, — подтвердил дух Межевик.

Он всё это время стоял у первого столба неподвижной грудой камней. Теперь красная черта лица повернулась к столу.

Старший писец вскочил.

— Сто семь лет Сверши платили мукой.

— По обычаю, — сказал Межевик. — Не по тексту.

Тая медленно отложила перо.

— Дед каждую неделю увозил три мешка.

— Иногда четыре, — сказала её мать из толпы. — Если сборщик говорил, что обороты были тяжёлые.

— У оборота есть вес? — спросил Мирей.

Никто не ответил.

Нестор смотрел на карту. Поле за мостом расширилось, но его дальний край дрожал. Текст долга проявлял землю, а столетний обычай тянул её в другую сторону. Если сейчас просто объявить прежние платежи незаконными, возникшее поле могло исчезнуть вместе с той частью права, которую эти платежи покупали.

— Читайте дальше, — сказал он.

Хранитель продолжил:

— За мост к восточному лугу мельница отдаёт пять оборотов в день первого высокого паводка.

— Мост появился сегодня, — сказала Тая. — До этого его не было.

— Значит, эта строка прежде не взыскивалась, — заметил Мирей.

— Взыскивалась, — возразила мать Таи. — Пять мешков каждой весной. За старые мостки ниже плотины.

— В записи сказано «мост к восточному лугу», — повторил Нестор. — Старые мостки вели на юг.

Писец зашелестел страницами.

— Сборщик считал их заменой.

— Кто разрешил замену?

— Предыдущий хранитель лица.

— Он мог менять текст?

— Нет.

Мирей положил перо.

— Тогда лицо не передавало долг. Оно защищало привычный сбор.

Глина на хранителе треснула от лба до подбородка.

Человек под ней вскрикнул и схватился за голову. Межевик сделал шаг к столу.

— Названо возможное несоответствие, — произнёс дух. — Требуется признание совершившего или знающего наследника.

Старший писец отступил.

— Мы не совершали. Записи старше нас.

— Но вы знали, что южные мостки называют восточным мостом? — спросил Нестор.

— Это принятая форма.

— Знали?

— Все знали.

— Тогда кто подписывал последнюю выписку Таи?

Младший писец закрыл глаза.

— Я.

Старший резко повернулся к нему.

— Ратен, молчи.

— Почему? Чтобы лицо перешло моему сыну? — Молодой писец встал. — Я переписал южные мостки как восточный мост. Мне сказали, иначе книга не сойдётся со сбором. Я знал, что место другое. Записал, потому что хотел место в Палате.

Земля за мостом содрогнулась.

Прямоугольное поле разломилось посередине, и из трещины поднялась каменная дорога. Она шла прямо на восток, к чёрной точке межевого камня. Глиняная личина хранителя осыпалась кусками. Под ней оказалось лицо усталого мужчины лет пятидесяти. Он моргал, словно впервые видел людей вокруг.

Молодой писец Ратен опёрся о стол.

— Я больше не могу сказать, что просто переписывал, — прошептал он.

— Это и есть цена, — сказал Нестор.

Ратен посмотрел на него с ненавистью.

— Вам легко. Вы получаете дорогу.

Нестор встретил его взгляд.

— Нет. Мне тоже больше нельзя говорить, что не было времени проверить предупреждение моего ученика.

Мирей стоял совсем рядом, но не повернулся. Только пальцы на пере сжались.

Межевик подошёл к новой дороге и ударил ладонью по первому камню.

— Несоответствие признано знающим наследником записи. Обычай отделён от текста. Восточный мост существует. Право мельницы подтверждено. Плата по строке моста — пять оборотов колеса в первый высокий паводок, без зерна, пока стороны не запишут иное добровольно.

Тая поднялась.

— А мука, которую забрали за сто семь лет?

— Не содержится в этой строке.

— Вернут?

— Возврат не записан.

— Кто ответит?

— Тот, кто принял лишнее, если будет назван поступок и мера.

Наместница Велена закрыла глаза на короткое мгновение. Потом сняла медную дощечку и положила на стол.

— Двор принимал муку, — сказала она. — Я унаследовала право двора и три года утверждала сборные ведомости. Я не спрашивала, почему восточный мост находится южнее мельницы. Мне было выгодно считать название старым и бессмысленным.

За новой дорогой поднялся второй холм. На его склоне проступили ступени виноградников, хотя винограда в Кривых Прудах не выращивали. Из земли вышел плоский камень с вырезанной раскрытой ладонью рода Оршей.

Велена пошатнулась. Нестор успел подхватить её за локоть.

— Что исчезло? — спросил он.

— Я больше не могу сказать, что отвечаю только за свои приказы.

Она высвободила руку.

— Не думала, что эти слова столько весили.

Тая смотрела на неё без благодарности.

— Признание вернёт муку?

— Нет. Но теперь я не смогу отказать в разборе под тем предлогом, что сбор начали до меня.

— Красивое начало.

— Другого пока нет.

Нестор проверил карту. Дорога стала прочной на две с половиной версты. Дальше она обрывалась у низины, заполненной серым туманом. До первого межевого камня оставалось ещё далеко.

Мирей переписал последнюю строку и посыпал лист песком.

— Долг Таи ограничен?

— Частично, — сказал Нестор. — Мы прочли три строки из семнадцати.

— Семнадцать? — Тая повернулась к бывшему хранителю.

Тот осторожно ощупывал собственное лицо.

— Я видел только те, которые взыскивались.

— А остальные?

— Лицо поворачивало меня к предмету долга. Я не знал слов, пока предмет не появлялся.

— Значит, когда появится что-то ещё, меня опять перекосит?

— Если обязательство принято вами.

— Я приняла книгу, не текст.

Межевик ответил:

— Принятие книги записано как принятие текста.

Тая схватила мельничную печать и швырнула её на землю.

— Тогда я отказываюсь от книги.

Вдали за мостом исчезли белые цветы. Камни под ногами дрогнули. Новая дорога стала прозрачной по краям.

— Подождите! — Нестор поднял печать. — Отказ от права забирает опору у земли.

— Пусть забирает.

— Вместе с мостом.

— Я не просила строить его на моём лице.

— Но по нему должна пройти дорога.

— Вот и признались, мастер. Вам нужна моя ошибка, моя мельница и мой долг, потому что иначе ваш ученик умрёт.

Слова ударили сильнее, чем Нестор ожидал. Он посмотрел на Мирея. Тот не отвёл глаз.

В этом и заключалась ловушка возможной земли. Признания должны были быть свободными, но над каждым участником уже висел срок чужой жизни. Любая просьба Нестора могла стать принуждением, даже если он не повышал голос.

Он протянул Тае печать.

— Вы вправе отказаться.

— И мост исчезнет?

— Возможно.

— Мирей умрёт?

— Не сегодня. У нас останется тридцать девять дней и другой путь.

— Есть другой путь?

— Я не знаю.

Нестор заставил себя не добавлять ничего. Не напомнил о посёлке, которому новый ручей даст воду. Не сказал о дороге и будущей торговле. Не посмотрел на чужую складку ученика. Просто держал печать на раскрытой ладони.

Тая долго молчала.

Потом взяла печать, но не надела мешочек на шею.

— Я не принимаю непрочитанные строки, — сказала она. — Оставляю мельницу и те обязанности, которые назову после чтения. До утра вы прочтёте все семнадцать.

— Порядок чтения не передан, — начал старший писец.

Велена ударила ладонью по столу.

— Я передаю порядок чтения сейчас. При свидетелях. Вслух, от первой строки до последней.

— У вас нет такого права.

— Тогда признайте, кто его присвоил.

Писец замолчал.

Межевик наклонил каменную голову.

— Условие Таи Сверш принято как временное: право удерживается до рассвета, непрочитанные обязательства не взыскиваются. После рассвета требуется согласие или отказ по каждой строке.

Мост снова стал твёрдым. Белые цветы не вернулись, но дорога перестала просвечивать.

Мирей тихо сказал:

— Значит, можно принять наследство не целиком.

— Для этой книги — можно, — ответил Межевик.

— А для лица ученика?

Красная черта повернулась к нему.

— Текст будет открыт у седьмого камня.

— Почему не сейчас?

— Так записано.

Мирей сделал шаг к духу.

— Кем?

— Савеном Ладожиным.

Чужая складка на его лице дёрнулась.

Нестор увидел это и понял: времени меньше, чем тридцать девять дней. Договор не просто ждал исполнения. Он переписывал ученика под человека, чьей поддельной подписью был скреплён.

На ночь обоз расположился за мостом. Впервые люди поставили палатки на земле, которой утром не существовало. Тая и писцы читали мельничную книгу при трёх лампах. После каждой строки она задавала один и тот же вопрос: «Где предмет, срок и мера?» Если хотя бы одного не было, обязательство откладывали до разбора.

Нестор сидел у края карты и правил линию дороги. Мирей принёс две кружки горячей воды с сушёной мятой, одну поставил рядом.

— Спасибо.

Ученик сел напротив.

— Вы правда не знаете другого пути?

— Не знаю.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Вы могли сказать, что найдёте. Мастер обычно так и говорит, когда хочет, чтобы ученик шёл дальше.

— А ученик обычно идёт?

— До сегодняшнего дня — да.

Нестор провёл ногтем вдоль новой чёрной линии.

— Ты можешь уйти.

— Куда? Дух нашёл лицо в Кривых Прудах. Найдёт и в столице.

— Я не о бегстве. Можешь перестать быть моим учеником.

— Если бы это снимало лицо, вы сказали бы раньше.

— Не снимает.

— Тогда опять предлагаете форму без результата.

Нестор принял упрёк.

Мирей отпил воду и поморщился: мята заварилась слишком крепко.

— Завтра я первым пойду по дороге, — сказал он.

— Нет.

— Почему?

— Низина не нанесена.

— Поэтому нужен ученик с мерной цепью.

— Поэтому пойдёт мастер.

— Чтобы наконец проверить чужое предупреждение?

Нестор поднял взгляд.

Мирей коснулся складки на щеке.

— Я не Савен. Если он говорил не ходить, это не значит, что я обязан говорить то же самое.

— А что говоришь ты?

— Что пойду рядом. Не впереди и не вместо.

Нестор хотел приказать. Право мастера ещё действовало, по крайней мере в их собственной мастерской. Но за день он увидел, как легко просьба становится долгом, обряд — согласием, а забота — способом распорядиться чужой жизнью.

— Рядом, — согласился он.

На карте у края серой низины появились две маленькие точки. Они стояли на одной линии.

Из темноты донёсся голос Таи:

— Строка девятая. «Наследник кормит смотрителя плотины до снятия лица». Какого смотрителя? Где он?

Писцы зашелестели книгами.

Межевик стоял у первого камня и ждал точных слов.

Нестор посмотрел на две точки. Потом на чёрную дорогу, которая уходила в туман.

До рассвета им предстояло прочитать ещё восемь строк. До седьмого камня — узнать, какое именно имя Нестор украл у мёртвого. До взыскания — тридцать восемь дней и одна ночь.

Глава 3. Земля отвечает не всем

К рассвету у серой низины собралась очередь желающих признаться.

Первым стоял торговец рыбой и держал под мышкой складной сачок, хотя воды впереди не было. За ним ждали две женщины с корзинами, конюх, долговязый парень в праздничной рубахе и старик, который явился с табуретом. Старик поставил его на траву, сел и объявил, что совершил столько ошибок, что стоять до своей очереди не намерен.

Нестор вышел из палатки, увидел людей и решил, что ещё спит.

Ночью над низиной висел ровный туман. Теперь из него проступала широкая песчаная насыпь. Она начиналась у края настоящей дороги, тянулась шагов на двести и обрывалась посреди серого ничто. По обе стороны от неё темнели ямы, будто землю выгребали снизу и бросали под будущий тракт.

Вчера там не было даже кочки.

Мирей стоял у начала насыпи с мерной рейкой. Чужая складка на его щеке за ночь стала глубже.

— Не ходил? — спросил Нестор.

— До третьего кола. Там песок держит. Дальше не знаю.

— Я спрашивал не о песке.

— Я тоже отвечал не о нём.

Ученик кивнул на очередь.

Возле торговца сутился коренастый человек в кожаном переднике. Нестор узнал Брала, десятника дорожных рабочих. Тот раздавал каждому по деревянной лопате и записывал имена углём на дощечке.

— Кто велел собирать людей? — спросил Нестор.

— Никто, — ответил Брал. — Сами пришли. Ночью услышали, что признание поднимает землю. Решили помочь.

Торговец рыбой широко улыбнулся.

— И себе, мастер, и вам. Дорога пройдёт по низине, здесь поставят ряды. Я первым место занял.

— Чем?

— Признанием.

— Каким?

— Сейчас скажу. При всех надо?

Нестор посмотрел на насыпь. Песок был светлым, сухим, не похожим на почву у Кривых Прудов. По склонам уже лежали связки хвороста, сверху рабочие укладывали плоские камни. Значит, трудились не меньше двух часов.

— Кто поднял насыпь?

Брал указал на очередь.

— Они говорили, она росла. Мы только ровняли. Удобнее моста: один признаётся, десять сыплют. К полудню через низину переберёмся.

— Остановить работы.

— Почему?

— Потому что никто не проверил, чему ответила земля.

Десятник оглянулся. На насыпи работали двенадцать человек. Двое катили тележку, остальные трамбовали песок широкими колотушками. Каждому удару отвечал глухой звук. Не пустой. Почти надёжный.

— Она держит, — сказал Брал. — Я сам дошёл до дальнего конца.

— Когда?

— С полчасика назад.

— До какого места тогда доходила?

Брал показал на вбитый кол с красной тряпкой. Сейчас тот стоял не у края, а посреди насыпи.

— Земля прибывает, — сказал десятник. — Разве не этого вы хотели?

Нестор присел и взял горсть песка. Зёрна сначала лежали спокойно, потом поползли между пальцами вверх. Они цеплялись за кожу, будто старались вернуться в насыпь. Под ногтями остался серый налёт.

Возможная земля всегда тянулась к форме на карте. Эта тянулась к человеческому голосу.

— Кто говорил последним?

Долговязый парень поднял руку.

— Я.

— Повтори дословно.

Парень оглянулся на женщин и расправил плечи.

— Я признаю, что всю жизнь был ленив, жаден и глуп.

Очередь одобрительно загудела. На дальнем конце насыпи песок зашевелился и вытянулся ещё на полшага.

Нестор провёл пальцем по серому налёту.

— Что именно ты сделал?

— Всё делал плохо.

— Что вчера сделал плохо?

— Много чего.

— Назови одно.

Парень переступил с ноги на ногу.

— Я вообще человек простой. За умного себя не держу.

Насыпь выросла ещё на ладонь.

— Видите? — сказал Брал. — Отвечает.

— Не ему.

Нестор поднялся и подошёл к началу песчаной полосы. Там, где новая насыпь примыкала к каменной дороге, уже образовалась трещина шириной в ноготь. Из неё тянуло холодом.

Он достал карту. Чёрная линия дороги шла до низины и раздваивалась. Одна ветвь, тонкая и уверенная, огибала серое пятно с севера. Другая лежала поверх пятна широкой размытой полосой. На ней вместо межевых знаков проступали слова: «плохой», «виноват», «недостойн».

Слова не принадлежали месту. Они заменяли место.

— Снять людей, — сказал Нестор.

Брал не двинулся.

— На дальнем конце тележка. Сначала вернём её.

— Бросьте.

— В ней железные скобы на половину казённого обоза.

— Значит, потеряем скобы.

— Наместница спросит с меня.

— Я скажу, что приказал.

— А если насыпь настоящая?

— Тогда вернёмся за ними после проверки.

Десятник нахмурился. Он отвечал за дорогу и привык измерять опасность грузом, людьми и временем. Песок не проваливался. Колотушки стучали. Рабочие смеялись. Одного картографического слова ему было мало.

Нестор поднял голос:

— Всем с насыпи! Не бегом. По одному, держаться середины.
Рабочие остановились. Человек у тележки махнул рукой.

— Здесь крепко!

— Оставь тележку и возвращайся.

— Скобы кто потащит потом?

Брал выругался и сам шагнул на насыпь.

— Я приведу его.

Нестор схватил десятника за передник.

— Если хочешь спорить, спорь отсюда.

— Это мои люди.

— Поэтому не добавляй им ещё одного, кого придётся вытаскивать.

На дальнем конце рабочий всё-таки взялся за ручки тележки. Колесо увязло. Он дёрнул сильнее.

Песок под ним вздохнул.

Звук был тихим, почти домашним, словно кто-то сел на набитый соломой тюфяк. Потом дальняя половина насыпи опустилась сразу на локоть.

— Ложись! — крикнул Нестор.

Рабочий не услышал или не понял. Он выпустил тележку и побежал. За его спиной песок разошёлся двумя ровными стенами. Скобы посыпались в щель. Тележка перевернулась, ударила человека оглоблей под колени и утянула за собой.

Мирей бросил рейку и рванулся вперёд.

Нестор успел поймать его за ворот.

— Рядом! — выкрикнул ученик.

Это было их вчерашнее слово. Не просьба и не приказ.

Нестор отпустил ворот, схватил бухту верёвки и побежал вместе с ним.

Первые двадцать шагов держали. Потом песок начал уходить из-под подошв тонкими струями. Рабочие двигались навстречу, сбиваясь в кучу.

— По одному! — крикнул Мирей. — Наступайте в след впереди!

Он обвязал верёвку вокруг пояса, второй конец сунул Нестору. Нестор закрепил его на каменном дорожном столбе. Брал принял людей у края и пересчитывал вслух.

Один. Два. Три.

На восьмом счёте середина насыпи дрогнула.

Очередь добровольцев бросилась назад. Старик забыл табурет. Торговец прижал сачок к груди. Женщины уронили корзины, и по настоящей траве покатались репы.

— Девять! — кричал Брал. — Десять!

Рабочий у тележки лежал в провале. Видна была голова, одно плечо и рука, которой он цеплялся за доску. Вторую ногу придавило оглоблей. Серый песок стекал ему на грудь.

— Зовут как? — спросил Мирей.

— Ярец! — ответил Брал.

— Ярец, не тянись к нам. Лежи ровно.

— Нога!

— Вижу.

Мирей пополз. Нестор держал верёвку и шёл следом, проверяя землю древком лопаты. Древко входило легко, без сопротивления, но поверхность под коленями пока не рвалась.

До Яреца оставалось шесть шагов, когда насыпь снова начала расти.

За спиной торговец рыбой торопливо говорил:

— Я признаю, что обвешивал покупателей! Часто обвешивал! Почти каждого!

Песок полез вверх, засыпая провал.

— Замолчи! — крикнул Нестор.

— Я же помогаю!

— Ты закапываешь его.

Торговец осёкся. Насыпь замерла.

Ярец закашлялся. Мирей добрался до него и стал отгребать песок руками.

— Где боль?

— Ниже колена. Не чувствую стопу.

— Это от удара. Не шевели.

Нестор лёг рядом, просунул лопату под оглоблю и попробовал поднять. Та не поддавалась: тележка висела глубже, нагруженная скобами и зыбкой землёй.

— Нужен рычаг, — сказал Мирей.

— Древко сломается.

— Тогда две лопаты вместе.

Нестор связал древки ремнём. Мирей подложил камень, который ещё минуту назад был песком. Камень дрожал.

— На три, — сказал Нестор. — Раз. Два.

Сзади снова заговорил торговец:

— Я назвал не всё. В прошлый четверг я положил гирию полегче, когда вдова покупала сельдь.

Камень под рычагом затвердел.

Нестор замер.

— Что ещё? — спросил он, не оборачиваясь.

— Взял с неё как за полный вес.

— Почему?

— Она плохо видит. Думал, не заметит.

— Заметила?

— Спросила. Я сказал, рыба усохла на ветру.

Торговец произнёс последнее тише. Слова не украсили его и не сделали меньше. Они назвали поступок, человека и ложь.

Под лопатами возникла твёрдая опора.

— Теперь! — сказал Нестор.

Они нажали вместе. Оглобля поднялась. Ярец закричал. Мирей выдернул его ногу и перевернул рабочего на спину.

— Тяни!

Брал с людьми выбрал верёвку. Мирей держал Яреца под плечами, Нестор поддерживал повреждённую ногу. Они ползли по узкой полосе камня, которая появлялась ровно под ними и исчезала за пятками.

До настоящей дороги оставалось десять шагов, когда торговец крикнул:

— Я больше никогда никого не обвешу!

Опора треснула.

Нестор ударился локтем, Мирей провалился по бедро. Ярец завыл.

— Не обещай будущего! — крикнул Нестор. — Оно ещё не твоё!

Торговец побледнел.

— Но я правда не буду.

— Это узнаем потом. Скажи только то, что уже сделал и чем оправдывался.

— Я сказал про вдову.

— Ты потерял оправдание усушкой?

Торговец открыл рот. Посмотрел на свой сачок, на людей, на Яреца. Ответ дался ему труднее, чем признание в обвесе.

— Не знаю.

Камень под ногой Мирея перестал крошиться, но не стал твёрже.

— Тогда не выжимай из себя правильные слова, — сказал Нестор. — Просто стой.

Они выбрались без новой помощи земли.

На траве Ярец потерял сознание. Брал разрезал штанину. Голень была выгнута наружу, кожа быстро наливалась тёмным. Кость не прорвала её, и это было единственной удачей.

Тая принесла две дощечки от ящика. Мирей выпрямил ногу, пока Нестор держал рабочего за плечи. Когда наложили шину, Ярец очнулся и стиснул зубами свёрнутый ремень.

— В Кривые Пруды, — сказал Нестор. — На повозке, медленно. Пусть лекарь проверит стопу.

— Дорогу потеряем, — пробормотал Ярец, выпустив ремень.

— Дорога подождёт.

— Наместница не любит, когда она ждёт.

— Наместница умеет пережить недовольство.

— А Брал с меня шкуру снимет за тележку.

Десятник присел рядом.

— Тележка казённая. Шкура твоя. Пока не меняемся.

Ярец попытался засмеяться и застонал.

Велена пришла, когда повозку уже готовили. За ней шли оба писца и бывший хранитель мельничного лица. Тая всю ночь разбирала с ними семнадцать строк и теперь едва держалась на ногах, но тоже не ушла.

Наместница посмотрела на сломанную насыпь, на Яреца и на очередь.

— Кто разрешил?

Брал поднялся.

— Я.

— По какому праву?

— По праву десятника. Люди пришли добровольно, земля росла, я поставил рабочих.

— Картограф проверил?

— Спал.

Нестор ждал привычного желания сказать, что он не мог знать. После первого признания эта дверь оставалась закрытой. Приходилось искать точные слова.

— Я не велел выставить ночную стражу у возможной земли, — сказал он. — Решил, что люди побоятся тумана. Это было моё решение, и оно оказалось неверным.

У края настоящей дороги поднялся низкий каменный бортик. Не насыпь и не мост — всего лишь ограждение высотой до колена. Он отделил траву от зыбкого песка.

Нестор почувствовал, как из памяти исчезает ещё одна удобная дорожка. Больше он не мог считать человеческий страх надёжнее ограды. Мысль сохранилась, опыт тоже, но оправдание «они сами не полезут» стало пустым звуком.

Велена коснулась бортика сапогом.

— Полезная ошибка.

— Для следующего человека, который мог бы сломать ногу.

— Я не об этом.

— Знаю.

Наместница приняла резкость без ответа. Потом повернулась к Бралу.

— Твоё решение?

Десятник посмотрел на своих людей. Они стояли отдельно от добровольцев, с песком на одежде и колотушками в руках.

— Я видел трещину у дороги, — сказал он. — Решил, что она мелкая. Картограф приказал уходить, а я задержал людей из-за тележки со скобами.

— Потому что боялся взыскания?

— Потому что скобы дорогие.

— Это не одно и то же?

Брал помолчал.

— Боялся, что меня назовут растратчиком. Подумал, что вывезу тележку и никто не узнает о трещине.

По краю провала проступили три плоских камня. Они легли ступенями вниз, к перевёрнутой тележке.

Рабочие заговорили одновременно. Один предлагал спуститься за скобами, другой требовал верёвку. Брал поднял ладонь.

— Никто не идёт. Камни появились из моего признания, а не из вашего разрешения рисковать.

Он сказал это Нестору.

— Верно.

— Значит, лестница бесполезна.

— Пока не проверена — да.

Брал кивнул, будто услышал понятный приказ. Потом распорядился обнести провал кольями и выставить двух сменных караульных.

Очередь добровольцев начала редеть. Праздничная рубаша исчезла первой. Женщины подняли корзины. Старик забрал табурет и ушёл, ворча, что в его годы даже признание обставили работой.

Торговец рыбой остался.

— А моё признание? — спросил он. — Камень ведь появился.

— Появился, — сказал Нестор.

— Значит, место под лавку моё?

— Почему?

— Я дал земле опору.

Тая устало рассмеялась.

— Моя мельница дала мост, но мост не мой. Твоя вдова дала четыре локтя камня, а ты уже делишь низину.

Торговец обиделся.

— Вдова ничего не признала.

— Зато заплатила за твою будущую лавку.

Он крепче прижал сачок.

— Я могу вернуть ей деньги.

— Можешь, — сказал Нестор. — Возвращение денег будет поступком. Но оно не купит тебе землю. Признание не монета.

— Тогда зачем признаваться?

Вопрос прозвучал честнее всего, что торговец сказал за утро.

Нестор посмотрел на карту. Размытая полоса через низину исчезала. Северная ветвь становилась темнее, но до первого межевого камня она не доходила. Земля не наградила их готовой дорогой. Она лишь показала, где дорога не должна лежать.

— Чтобы перестать строить дальше на лжи, — ответил он.

— И всё?

— Иногда это всё, что получаешь.

Торговец ушёл последним.

Мирей проводил повозку с Ярецом до моста и вернулся, когда солнце поднялось над туманом. На рукавах у него засох серый песок. Чужая складка на лице проходила теперь от скулы почти до подбородка.

— Ты полез вперёд, — сказал Нестор.

— Рядом.

— На два шага впереди.

— Потому что вы привязывали верёвку.

— Мог дожждаться.

— Ярец тоже мог дожждаться, только песок этого не знал.

Нестор хотел возразить и не нашёл точного возражения. Вчера он согласился идти рядом, а утром снова превратил это слово в расстояние, которое позволено отмерять только мастеру.

— Я схватил тебя за ворот, — сказал он.

— Схватили.

— Не спросил.

— Если бы спросили, я бы не остановился.

— Поэтому и схватил.

Насыпь тихо осела ещё на вершок.

Мирей посмотрел на неё, потом на мастера.

— Это было признание или оправдание?

Нестор почувствовал раздражение. Ученик задавал вопрос слишком быстро, словно всю ночь точил его вместе с перьями. Но раздражение не делало вопрос неверным.

— Пока оправдание, — сказал Нестор.

— Тогда попробуйте ещё раз.

— Я испугался, что ты повторишь путь Савена. И распорядился твоим телом, потому что страх показался мне достаточным правом.

На карте две точки у низины разошлись. Одна осталась на северной ветви, другая приблизилась к серому пятну. Между ними появилась тонкая поперечная черта, похожая на связку.

Нестор ждал, что потеряет право ссылаться на Савена. Но исчезло другое: уверенность, будто забота сама по себе оправдывает хватку. Он всё ещё мог остановить ученика перед провалом. Однако теперь обязан был назвать опасность, а не прикрывать ею собственный страх.

— А ты? — спросил он.

— Что я?

— Полез из-за Яреца или хотел доказать, что ты не Савен?

Мирей коснулся чужой складки.

— Оба ответа вам не понравятся.

— Земле всё равно, что мне нравится.

— Я увидел, что человек провалился, и побежал. А когда вы схватили, обрадовался, что могу заставить вас сдержать вчерашнее слово. Даже если из-за этого мы оба полезем туда глупее.

Севернее низины из тумана показалась узкая каменная гряда. Она шла не прямо, а дугой, обходя самое глубокое место.

Мирей выдохнул.

— Вот теперь ответила.

— Не спеши считать это дорогой.

— Я сказал только, что ответила.

Нестор развернул карту на плоском камне. Гряда совпадала с тонкой ветвью. До первого межевого знака по ней было почти две версты. Между камнями оставались разрывы, а в одном месте линия уходила под туман.

Брал подошёл, держа дощечку с именами.

— Людей ставить?

— Сначала пройдем без груза до первого разрыва. Я, Мирей и ты. Верёвки к настоящей земле, через каждые двадцать шагов новый кол. Если камень меняется — возвращаемся.

— А остальные?

— Разберут насыпь у примыкания, не заходя за бортик. Песок сложить отдельно. Ничего из него не строить.

— Добровольцев больше не брать?

— Брать тех, кто нужен для работы. Не собирать признания как подать.

Брал поскрёб углём край дощечки.

— А если кто-то сам захочет сказать?

— Пусть сначала ответит себе, что именно сделал, кому этим причинил вред и какой ложью прикрывался. Потом говорит человеку, перед которым отвечает. Земля может слышать. Но мы не будем обещать ей плату.

— Длинное правило.

— После короткого Ярец едет со сломанной ногой.

Десятник стёр с дощечки имена добровольцев. Оставил только имена рабочих и рядом с Ярецом поставил косую черту.

Велена наблюдала за ним.

— Если все признания должны быть личными, княжеская дорога не будет готова за тридцать восемь дней.

— Ложная была бы готова к полудню.

— И провалилась бы под первым обозом.

— Если бы повезло. Возможно, под сотым.

Наместница посмотрела в сторону моста, по которому увозили раненого.

— Я велю Палате выплатить ему содержание до выздоровления.

— Из дорожной казны?

— Из платы за толкование мельничных долгов. Сегодня выяснилось, что половину из них толковали в пользу Палаты.

Тая подняла голову.

— Половину?

— Девять строк из семнадцати.

— А остальные восемь?

— Три точны. Пять не имеют меры или срока.

— И что с моим лицом?

— До полудня Межевик примет твой выбор по каждой строке.

Тая потёрла висок, где ещё держалась стариковская впадина.

— Сначала я отвезу Яреца. Потом вернусь выбирать дедовы обещания.

— Это не твоя обязанность, — сказал Брал.

— Знаю. Поэтому и повезу.

Она ушла к повозке.

Нестор отметил на карте место провала чёрным кругом. Обычно такие знаки он ставил для трясины, осыпи или пустоты под известняком. Здесь пришлось подписать иначе: «Насыпь из чужой выгоды». Рука задержалась. Надпись была слишком красивой и потому неточной.

Он зачеркнул её и написал: «Провал ложных признаний. Ранен Ярец. Проход запрещён».

Мирей прочитал через плечо.

— Так хуже звучит.

— Зато следующий картограф поймёт.

— Если карта останется.

— Останется.

— Вы опять обещаете будущее.

Нестор убрал перо.

— Тогда скажу точнее. Я сделаю всё, что умею, чтобы она осталась. И не стану держать тебя за ворот, если ты заметишь на ней то, чего не вижу я.

Мирей посмотрел на серую линию своего будущего лица, отражённую в металлическом зажиме рамки.

— А если замечу в вас Савена?

— Савеном был не я.

— Подпись говорит другое.

Нестор сложил карту прежде, чем ученик увидел дрогнувшую линию у седьмого камня.

— До него ещё далеко.

— На сколько признаний?

— Не знаю.

Ответ не поднял землю и не разрушил её.

На этот раз молчание оказалось достаточно прочным, чтобы ступить на первый камень северной гряды.

Глава 4. Межевик у камня

Северная гряда не хотела быть дорогой.

Она позволяла поставить ногу, иногда две, но стоило Бралу вбить кол, как следующий камень уходил под туман. Верёвка провисала, Мирей вытаскивал кол, и камень возвращался на место. Тогда они привязывали верёвку к выступу, который сама земля считала частью себя, и продвигались ещё на двадцать шагов.

— Не любит железо? — спросил Брал.

— Не любит, когда её заранее объявляют пройденной, — ответил Нестор.

— Камень может любить?

— Нет.

— Тогда говорите проще.

Нестор посмотрел на вбитый кол. Вокруг железного острия расплзалась белая трещина.

— Кол означает: это место уже наше и останется таким. Земля этого ещё не подтверждала.

— Так бы сразу.

Брал выдернул кол. Трещина сомкнулась.

Они шли цепочкой, хотя обещали идти рядом. Гряда была слишком узкой для троих. Первым двигался Брал: он знал вес каждого шага и не торопился доказывать храбрость. За ним Мирей нёс мерную цепь. Нестор замыкал, отмечая каждый надёжный выступ на карте.

Слева лежала провалившаяся насыпь. С высоты она казалась серой раной, на дне которой торчало колесо тележки. Справа туман скрывал низину. Иногда под белой пеленой что-то тяжело перекатывалось. Брал уверял, что это вода. Мирей бросил камешек и не услышал ни всплеска, ни удара.

Через сто семьдесят шагов гряда раздваивалась.

Левая ветвь была широкой и ровной. На ней уже проступали следы колёс, хотя ни одна повозка здесь не проходила. Правая состояла из отдельных плит, наклонённых в разные стороны. Между ними чернели щели.

— Налево, — сказал Брал.

— Почему? — спросил Мирей.

— Потому что справа можно сломать вторую ногу за утро.

— А следы?

— Значит, где-то проехали.

Нестор присел у ближайшей колеи. В углублении лежала мука.

Он растёр белую пыль между пальцами и вспомнил мост, мельничную книгу и строки, которые Тая ещё не успела принять или отвергнуть. Возможная дорога уже присваивала себе будущий обоз. Она показывала не то, что случилось, а то, чего от неё ждали.

— Направо, — сказал он.

Брал сплюнул в туман.

— Конечно.

— Левая ветвь построена ожиданием платы с мельницы.

— Камни поддельные?

— Камни настоящие ровно до тех пор, пока все верят, что Тая обязана возить здесь муку.

— А она может отказаться.

— Поэтому и направо.

Брал обвязал верёвку вокруг пояса.

— Если вернусь со второй сломанной ногой, Ярец не уступит мне место в телеге.

Первую наклонную плиту он проверил молотом. Та качнулась и легла ровно. Вторая ответила звоном. На третьей десятник замер.

Из тумана впереди поднялся каменный столб.

Он был выше человека и тоньше межевого знака у моста. По лицевой стороне шла красная черта, но не прямая, как у Межевика. Черта семь раз ломалась под острыми углами. У основания лежало железное кольцо, вросшее в камень.

— Первый? — спросил Мирей.

Нестор сверился с картой.

Чёрная линия северной гряды доходила до того же места. Рядом проступила цифра, которой он не писал: один. Дальше карта оставалась серой.

— Первый камень дороги, — сказал он.

— Разве первый не у моста?

— Там был старый столб мельничного договора. Этот отмечает восточную межу.

— А тот, у которого откроется лицо ученика?

— Седьмой.

— Вы уверены, что счёт один и тот же?

Нестор не ответил сразу. На старых картах камни нумеровались по ходу межи. Но договор мог считать иначе: от центра княжества, от места подписи, от первого взыскания. Буква не обязана была следовать привычке картографа.

— Нет, — сказал он. — Проверим надпись.

Они дошли до столба. Вблизи красная черта оказалась заполненной сургучом. В каждом из семи изломов сидела чёрная крупинка, похожая на высохшее семя.

Брал обошёл камень.

— Надписи нет.

— Есть кольцо, — сказал Мирей.

— Кольцо не читают.

Ученик встал на колени. Железо было покрыто ржавчиной, кроме внутренней стороны. Там металл блестел, будто по нему недавно ходила цепь.

Мирей протянул руку.

— Не трогай, — сказал Нестор.

Рука остановилась в пальце от кольца.

— Опасность или страх?

— Не знаю, что к нему было привязано. Этого достаточно, чтобы сначала осмотреть.

Мирей убрал руку.

— Так точнее.

Нестор достал уголь и приложил к камню лист. Обычно надпись, стёртая с поверхности, отзывалась на боковом оттиске: уголь ложился на выступы, оставляя старые борозды светлыми. Здесь лист почернел целиком.

Потом в середине проступило белое слово: «НЕЗАМКНУТА».

Брал прочитал по слогам.

— Что не замкнуто?

Кольцо звякнуло.

Не от прикосновения. Само.

Верёвка, оставленная на гряде, натянулась. Туман по обе стороны от камня провалился вниз, и на миг стало видно дно низины: сухая земля, рассечённая семью глубокими бороздами. В каждой лежала цепь. Все цепи сходились под межевым столбом.

Межевик поднялся из камня без единого движения.

Сначала красная линия вытянулась вверх. Потом поверхность столба разделилась на плечи, грудь и длинные руки. Железное кольцо осталось в его боку. Дух шагнул на гряде, а сам столб продолжил стоять за ним, будто из одного камня вынули другой, не оставив пустоты.

Брал попятился. Плита под его ногой накренилась.

— Стой, — сказал Нестор.

Десятник замер.

Межевик повернул к ним красную черту лица.

— Восточная дорога не замкнута.

Голос шёл из семи борозд под низиной. Слова приходили с крошечным запозданием, каждое по отдельной цепи.

— Мы видим, — ответил Нестор.

— Видимость не является условием.

— Какое условие?

— Замкнуть восточную дорогу через семь межевых камней до истечения сорока дней от пробуждения чернил.

— Иначе?

Красная черта повернулась к Мирею.

— Иначе взыскать жизнь носителя ученического лица.

Мирей стоял прямо. Только мерная цепь в его руке тихо звенела.

— Чью жизнь? — спросил он.

— Носителя ученического лица.

— Моё имя в договоре есть?

— Полный текст открывается у седьмого камня.

— Значит, сейчас вы не можете подтвердить, что речь обо мне.

— Ты носишь ученическое лицо.

— Это ответ на другой вопрос.

Межевик молчал.

Брал переступил с ноги на ногу.

— Он его перехитрил?

— Нет, — сказал Нестор. — Дух не обязан отвечать на вопрос так, как нам удобно.

— Но обязан по договору?

— Если в договоре записана обязанность отвечать.

Мирей поднял цепь.

— Я ношу лицо по вашему определению или по записи?

— По проявлению.

— Что считается проявлением?

— Чужая черта, принятая при ученическом обряде.

— Я не принимал чужую черту.

— Ты принял лицо.

— Я принял знак мастерской.

— Знак записан как лицо.

— Кто прочитал мне запись?

— Чтение не является условием принятия.

Мирей сжал челюсть. Чужая складка стала заметнее.

— Удобно.

— Удобство не является условием.

Брал коротко хмыкнул, но сразу умолк.

Нестор подошёл ближе к духу.

— Когда начались сорок дней?

- Когда чернила Нестора Ладожина вышли за край известной земли.
- Сколько осталось?
- Тридцать восемь дней до закатного удара.
- Вчера ты сказал: тридцать девять.
- Вчера было тридцать девять.
- Мы потеряли день до заката?
- День считается от пробуждения чернил, не от заката.

Нестор посмотрел на солнце. До полудня оставалось меньше часа. Значит, каждый срок менялся не вместе с календарём, а в тот миг, когда он провёл первую самовольную линию. Последний день оборвётся утром, а не вечером. Если они придут к седьмому камню после полудня, привычный отсчёт обманет их на несколько часов.

Он записал время на полях карты.

- Что значит «замкнуть»?
- Соединить первый камень с седьмым дорогой, способной нести установленную меру в обе стороны.
- Какую меру?
- Установленную.
- Где она установлена?
- В полном тексте.
- Который откроется у седьмого камня.
- Да.
- Значит, мы можем построить дорогу до седьмого и там узнать, что она не выдерживает нужной меры.

— Да.

Брал выругался.

Межевик повернулся к нему.

- Слово не изменяет меры.
- Я и не надеялся.
- Надежда не является условием.
- А молчание является?
- Нет.
- Тогда отвяжись.

Дух отвернулся, будто приказ Брала относился к предмету, которого здесь не было.

Мирей присел рядом с кольцом, всё ещё не касаясь его.

- Семь цепей ведут к семи камням?
- Да.
- Если один камень разрушить?
- Дорога не будет замкнута.
- Если перенести?
- Перенесённый камень остаётся тем же камнем.
- Если изменить договор?

Красная черта на лице духа стала ярче.

— Изменение возможно сторонами договора при сохранении уже возникшего права взыскания.

Нестор почувствовал холод, хотя туман отступил.

- У кого возникло право взыскания?
- У восточной межи.
- Межа — сторона?
- Межа — получатель.

— Кто стороны?

— Полный текст открывается у седьмого камня.

Каждый ответ возвращал их к концу дороги. Договор был устроен как ловушка не потому, что скрывал угрозу, а потому, что откладывал меру спасения до последнего шага.

Нестор обошёл духа и положил ладонь на настоящий столб. Камень был тёплым. Под кожей прошла слабая дрожь, и перед глазами возникла старая зимняя долина.

Савен стоял у такого же кольца, молодой, худой, с обмороженными пальцами. Держал лист, на котором не было подписи.

«Здесь семь мер, — говорил он. — Ты нарисовал одну».

Нестор в воспоминании отвечал: «Князю нужна дорога, не загадка».

«Дорога и есть загадка, если не знаешь, что по ней понесут».

Видение исчезло.

Нестор отдернул руку.

— Что увидели? — спросил Мирей.

— Старую проверку камня.

— С Савеном?

— Да.

— Он знал про меру?

— Знал, что их было семь.

— Семь каких мер?

— Не помню.

На слове «помню» камень под ладонью, уже убранной, треснул. Не столб — тонкая корка на его поверхности. Из-под неё показались семь коротких зарубок.

Мирей провёл над ними пальцем.

— Камень вам не поверил.

— Камень не верит.

— Тогда что это?

Нестор знал ответ. Память не исчезла полностью. Он сам держал её за дверью, потому что за ней начиналась подпись Савена.

— Я помню не слова, а рисунок, — сказал он. — Семь знаков груза. Телега. Пеший человек. Вода. Зерно. Камень. Животное. Последний был зачёркнут.

— Почему не сказали сразу?

— Потому что тогда придётся признать: я видел меру до подписи.

Гряды за их спинами стала шире на полступни. Не впереди — назад, словно точное слово укрепляло только уже пройденное.

Мирей встал.

— Вы видели, что договор требует больше одной дороги, и всё равно подписали?

— Не я подписал.

— Вы подделали имя.

Нестор посмотрел на Межевика. Дух не вмешивался. Для него подлинность имени, вероятно, была отдельным условием, которое никто ещё не заставил открыть.

— Я поставил имя Савена, — сказал Нестор. — Но тогда считал, что исправляю его отказ закончить работу.

— А сейчас?

— Сейчас знаю, что взял его право отказаться.

В красной линии первого камня погасла одна чёрная крупинка. Осталось шесть.

Железное кольцо звякнуло и раскрылось. Из него выпал обрывок цепи длиной в ладонь. На крайнем звене было выбито имя: «Савен».

Мирей наклонился, но не поднял его.

— Это часть полного текста?

Межевик ответил:

— Это часть первого свидетельства.

— Что оно свидетельствует?

— Савен Ладожин был приведён к первому камню.

— Живым?

— Состояние жизни не записано в свидетельстве.

— Он говорил?

— Голос не записан.

— Он коснулся кольца?

— Кольцо приняло имя.

Мирей выпрямился.

— Опять не ответ.

— Ответ точен записи.

Нестор смотрел на звено. Двадцать лет он представлял тот день иначе: Савен ушёл в метель до установки первой межи, а Нестор закончил работу один. Но имя уже было у камня. Кто-то привёл сюда Савена или принёс то, что договор счёл достаточным вместо человека.

— Кто привёл его? — спросил Нестор.

— Полный текст открывается у седьмого камня.

— Разумеется, — сказал Брал.

Десятник подошёл к краю гряды и посмотрел вниз. Семь цепей снова скрыл туман.

— Нам всё равно надо строить. Сколько держит этот участок?

Межевик повернулся к нему.

— Первый участок несёт трёх людей, связанных одной верёвкой, без груза.

Брал оглядел Нестора и Мирея.

— Поэтому нас трое?

— Поэтому участок проявился для троих.

— А если пришли бы четверо?

— Один остался бы на известной земле или участок не проявился бы.

— Если двое?

— Не достигли бы первого камня.

Брал потёр переносицу.

— Вот теперь я понимаю, зачем признание Мирея вывело именно эту гряду. Он сказал про вас двоих, но для дороги понадобился третий, который умеет ставить людей на работу.

— Земля не выбирала тебя, — сказал Нестор.

— Я и не прошу звания. Просто хочу знать, почему не провалился.

— Ты признал решение оставить людей ради тележки.

— И теперь не могу сказать, что железо было дороже человека. Знаю. Но что будет, когда пойдёт обоз?

Межевик ответил прежде Нестора:

— Требуется другая опора.

— Какая?

— Установленная мера открывается у седьмого камня.

Брал поднял молот, будто собирался проверить им голову духа, но передумал.

— Надо возвращаться за людьми, — сказал он. — Эту гряду расширим с известной стороны. Не объявляя своей, пока не держит. Так?

— Так, — ответил Нестор.

— И никаких телег.

— Пока никаких.

— И добровольных святых с лопатами не беру.

— Рабочих бери. Святых оставь церквям.

Брал первым повернул назад. Верёвка натянулась. Гряды не позволяла расходиться дальше трёх шагов, и им пришлось последовать за ним.

Мирей задержался у обрывка цепи.

— Можно взять свидетельство? — спросил он.

— Свидетельство принадлежит камню, — сказал Межевик.

— Можно прочесть звено с другой стороны?

— Можно.

Мирей перевернул его носком сапога. На обороте было выбито второе слово: «ученик».

Чужая складка на его лице дёрнулась и легла точно так же, как красная линия на камне.

Нестор шагнул к нему.

— Не трогай лицо.

— Я и не трогаю.

— Оно меняется.

— Знаю.

— Больно?

— Нет. Хуже. Иногда кажется, что я вспоминаю место, где никогда не был.

— Что сейчас?

Мирей закрыл глаза.

— Руки в цепях. Но цепи тёплые. И кто-то говорит: «Только до замыкания». Не знаю кто.

— Это может быть память лица.

— Или моя собственная фантазия. Вы ведь учили не наносить на карту первое удобное объяснение.

Нестор кивнул.

— Запиши дословно и не толкуй.

— Запишу.

Они пошли назад. Межевик остался у первого камня. Теперь его фигура была отдельна от столба, а красная черта смотрела им вслед.

На развилке ровная левая дорога начала исчезать. Колёсные следы налились водой, мука превратилась в серую кашу. Видимо, Тая добралась до мельницы или Велена начала разбор строк. Будущее, построенное на безусловной подати, теряло опору.

Брал ступил на правую плиту.

— Три человека, одна верёвка, без груза, — повторил он. — Это можно проверить.

— Уже проверили, — сказал Мирей.

— Один раз — это приключение. Десять раз — дорога.

— А сто?

— Работа.

Они прошли первые двадцать шагов. Верёвка скользила по камню, нигде не цепляясь.

Нестор оглянулся.

Межевик стоял далеко, но голос дошёл без крика:

— По истечении срока жизнь будет взыскана в месте нахождения лица. Расстояние не является препятствием.

Мирей остановился.

— Я не спрашивал, — сказал он.

— Условие предъявлено носителю.

— Почему не в Кривых Прудах?

— Там было предъявлено мастеру.

Нестор вспомнил красную строку, открывшуюся у серой рамки, и понял различие. Тогда угроза прозвучала при Мирее, но была адресована тому, кто рисовал дорогу. Теперь договор назвал ученика стороной взыскания.

— Можно отказаться от лица? — спросил Мирей.

— Можно.

Нестор резко обернулся.

— Как?

— Полный порядок открывается у седьмого камня.

— Отказ остановит взыскание?

— Отказ не прекращает уже возникшего права.

— Тогда что он меняет?

— Носитель перестаёт получать права лица.

— Какие права я получил?

— Полный перечень открывается у седьмого камня.

Мирей рассмеялся. Смех получился сухим.

— Я могу отказаться от неизвестных прав, сохранить неизвестный долг и всё равно умереть. Щедро.

— Щедрость не является условием.

Они продолжили путь.

У края настоящей дороги их ждали рабочие. За время отсутствия Бралова смена успела разобрать начало ложной насыпи. Серый песок лежал в огороженной куче. Возле каменного бортика поставили табличку: «НЕ СТУПАТЬ». Кто-то ниже приписал углём: «ДАЖЕ ЕСЛИ РАСКАЯЛСЯ».

Брал прочитал и не велел стирать.

Велена сидела за походным столом. Перед ней лежала мельничная книга. Тая стояла напротив уже без стариковской впадины на виске. Лицо снова принадлежало ей целиком.

— Сколько строк? — спросил Нестор.

— Три приняла, — ответила Тая. — Четыре отвергла как чужие, пять отправили на уточнение меры, остальные оказались не долгами, а правами Палаты, записанными на моём лице.

— Мост?

— Стоит. Мельница тоже. Белые цветы не вернулись.

Мирей коснулся своей складки.

— Значит, лицо можно разобрать по строкам.

— Если дух позволяет, — сказала Велена. — Межевик позволил только потому, что в мельничной книге была оговорка о спорной воде.

— А в ученической?

— Узнаем у седьмого камня.

— Все сегодня полюбили эту фразу.

Нестор положил на стол угольный оттиск слова «НЕЗАМКНУТА» и нарисовал рядом семь зарубок.

— Первый участок выдерживает троих на одной верёвке без груза. Полная мера скрыта до седьмого. При незамкнутой дороге Межевик взыщет жизнь Мирей, где бы он ни находился.

Велена побледнела, но голос сохранила ровным.

— Тогда расширяем гряды.

— Не раньше, чем поймём опору второго участка.

— Срок идёт.

— Поэтому нельзя тратить людей на дорогу, которая исчезнет после выбора Таи или следующего точного слова.

— Что предлагаете?

Нестор развернул карту. За первым камнем линия не шла дальше. Зато на северо-востоке проступил слабый знак: три крыши вокруг пустого колодца.

— Там деревня.

Брал заглянул через плечо.

— На старой карте её нет.

— На этой тоже пока нет. Есть возможность.

— Чем она поможет?

— Второй участок дороги требует признания, которого здесь никто дать не может.

— Откуда знаете?

Нестор указал на пустой колодец. Вокруг него вместо имён стояли одинаковые гладкие овалы.

— Потому что там у всех одно лицо.

Мирей посмотрел в сторону первого камня, скрытого туманом.

— А у нас осталось тридцать восемь дней до утреннего часа.

— Да.

— И дух может прийти за мной куда угодно.

— Да.

— Тогда идём в деревню.

Он сказал это без вызова. Нестор услышал взрослое решение, которое нельзя было ни присвоить, ни заменить приказом.

На карте возле трёх крыш появилась третья точка. Первые две уже стояли рядом.

Нестор не стал решать, чья она.

Глава 5. Чужая складка

Ночью Мирей заговорил голосом мёртвого.

Нестор проснулся не от слов, а от скрипа. Кто-то водил углём по внутренней стенке палатки. За тканью шуршал дождь, хотя вечером небо было чистым.

— Семь мер не складываются в одну, — сказал Мирей.

Он сидел на постели с закрытыми глазами. В правой руке держал обломок угля, левой натягивал полотно. На ткани уже были начерчены семь знаков: телега, человек, волнистая черта, мешок, квадратный камень, четвероногое животное и пустой круг.

Последний знак Нестор узнал.

Двадцать лет назад Савен рисовал такой круг возле мест, которые нельзя было включать в карту без согласия того, кто понесёт цену. Он называл его немой мерой. Нестор считал знак ученической выдумкой и однажды велел стереть со всех чистовых листов.

— Мирей, проснись.

Уголь остановился.

— До замыкания имя можно нести, — произнёс ученик чужим голосом. — После замыкания имя несёт тебя.

Нестор зажёл лампу. Мирей открыл глаза.

Чужая складка больше не ограничивалась щекой. Она пересекала лоб, стягивала левое веко и спускалась к подбородку. Половина лица стала старше лет на двадцать. Другая оставалась лицом двадцатидвухлетнего человека, разбуженного среди ночи.

Мирей увидел выражение мастера и коснулся лба.

— Где зеркало?

— Сначала убери уголь.

— Где зеркало?

Нестор подал полированную медную пластину.

Мирей долго смотрел. Потом повернул её к лампе, будто надеялся, что дело в тени.

— Это он?

— Похоже.

— Вы узнаете Савена?

— Узнаю складку.

— А остальное?

— Остальное пока твоё.

Мирей провёл пальцем по чужой половине. Веко под пальцем дрогнуло отдельно.

— Я рисовал?

— Да.

— Что говорил?

Нестор повторил дословно. Мирей записал слова на клочке бумаги, затем перерисовал семь знаков со стенки. У последнего остановился.

— Пустой круг был на вашей карте у первого камня.

— Не был.

— Был. Вы закрыли его ладонью, когда складывали лист.

Нестор вспомнил дрогнувшую линию у седьмого камня. Круг проступил на мгновение, почти под большим пальцем. Он надеялся, что Мирей смотрел на Межевика.

— Возможные карты меняются, — сказал он.

— Это ответ на другой вопрос.

Слова духа в человеческом рту прозвучали обиднее.

— Я видел знак, — признал Нестор. — Не хотел толковать, пока не повторится.

- Он повторился.
- Теперь да.
- Что значит?
- Савен называл его немой мерой.
- Что она измеряет?
- Цену человека, который не дал согласия.
- Мирей опустил медную пластину.
- Мою жизнь.
- Не обязательно.
- Что ещё здесь не дало согласия?

Нестор посмотрел на пустой круг. Возможностей было несколько: Савен, Мирей, жители ещё не возникшей деревни, сама земля, которую княжество сочло свободной. Но одна догадка была хуже других. Немая мера могла означать, что седьмой груз — не вещь, а человек, чьё имя переносит договор.

- Не знаю, — сказал он.

На этот раз земля не могла подтвердить честность: под палаткой лежала старая трава.

Мирей оделся и вышел под дождь. Нестор взял плащ и последовал.

Лагерь спал. У провала горел караульный фонарь. Межевик у первого камня не был виден, но красная точка мерцала далеко в тумане.

Мирей остановился у бочки с водой и посмотрел в неё. Дождь разбивал отражение.

- Когда вы в последний раз видели Савена живым?

— В день первой межи.

— До камня или после?

— До.

— Где?

— У зимнего лагеря.

— Он ушёл сам?

— Мы поссорились. Он сказал, что не подпишет карту. Взял снегоступы и пошёл к западному склону.

- А свидетельство говорит, что его привели к первому камню.

— Свидетельство не говорит когда.

— Вы искали его?

— До темноты.

— Один?

— С проводниками.

— Нашли след?

Нестор помнил цепочку углублений в снегу. Она уходила к седловине, потом обрывалась у голого камня. Тогда он решил, что ветер замёл продолжение.

- До западного склона.

— А первый камень был где?

— Восточнее лагеря.

— Значит, Савен ушёл в другую сторону.

— Да.

Мирей вылил воду из ковша.

— Кто мог привести его имя к камню?

— Я.

— Не имя. Его самого.

— Не знаю.

— Велена?

— Ей было семнадцать. Она не участвовала.

— Лира?

— Ещё младше.

— Княжеские люди?

— Возможно.

— Вы спросили их после исчезновения?

Нестор молчал слишком долго.

— Вы не спросили, — понял Мирей.

— Я считал, что он бросил работу.

— Потому что так было удобнее закончить карту.

— Да.

Дождь усилился. Чужая половина лица Мирея не шурилась от воды.

— Если я начну помнить его целиком, — сказал ученик, — вы будете разговаривать со мной или с ним?

— С тобой.

— Даже если его голос знает ответ?

— Ответ можно выслушать. Решать будешь ты.

— Хорошо. Запишите и это. Я не хочу утром услышать, что вы имели в виду другое.

Нестор записал на обороте листа с семью знаками: «Память лица не получает права решать за Мирея». Поставил своё имя, дату и время. Мирей прочитал и подписал рядом.

— Теперь разбудим Велену, — сказал он.

— Зачем?

— Чтобы Палата засвидетельствовала изменение лица.

— Ночью она ничего не исправит.

— Зато утром не скажет, что не видела.

Это было разумно. Именно поэтому Нестору захотелось возразить.

Велена вышла из палатки с обнажённым коротким мечом. Увидев лицо Мирея, опустила клинок.

— Когда?

— Во сне, — ответил Мирей. — Нужен писец.

— Оба уехали с Таей.

— Тогда свидетельствуйте сами.

Велена велела принести лампы. Брал проснулся от голосов и явился в одной рубашке, с молотом в руке. Они сравнили лицо с описанием Савена в старом дорожном списке. Совпали шрам над бровью, складка от скулы и надлом левого века. Нестор никогда не замечал шрама: в памяти Савен всегда стоял в капюшоне.

— Откуда у вас список? — спросил он.

— Из сундука первой межи, — сказала Велена.

— Ты привезла его из Кривых Прудов?

— Я привезла всё, что Палата не успела спрятать.

Она перевернула лист. На обороте была нарисована схема ученического обряда. Мастер держал рамку, ученик касался чистой карты, писец надевал ему на шею тонкую цепь.

Мирей коснулся своей шеи.

— У меня была цепь.

— У всех учеников есть, — сказал Нестор. — Медная, на один день.

— Моя была тёплой.

Те же слова он слышал во сне.

Велена прочитала мелкую подпись под рисунком:

— «Имя носится до замыкания и носит принявшего после».

Нестор забрал лист. Почерк был не Савена и не его. Ровные узкие буквы принадлежали старому княжескому писцу Эвраду, умершему через год после первой межи.

— Это не часть обычного обряда.

— Но её вложили в сундук, — сказал Мирей. — Кто проводил мой обряд?

— Писец Ратен, — ответила Велена.

— Тот, который вчера признал подмену мостков?

— Да.

— Он знал?

— Спросим.

Велена отправила всадника к Кривым Прудам. До возвращения оставалось несколько часов. Спать никто уже не лёг.

Нестор развернул карту на походном столе. Дождь не попадал под навес, но линии блестя, словно мокрые. Путь к деревне стал яснее. Три крыши окружали колодец, а над ними повторялся пустой круг.

Он накрыл знак футляром от пера.

Мирей в это время объяснял Бралу, как зарисовать лицо в трёх поворотах. Велена читала сундуковую опись. Никто не смотрел.

Нестор мог показать круг сейчас. Тогда они признали бы: деревня тоже связана с немой мерой. Возможно, там жили люди, чьё согласие заменили общим лицом. Но если Мирей увидит повторение, он пойдёт туда не ради дороги, а за памятью Савена. А лицо менялось после каждого приближения к договору.

Нестор вынул нож и осторожно соскоблил с карты верхний слой бумаги вместе со знаком.

Под ним проступил новый круг.

Он соскоблил и его. Появился третий, темнее.

— Что делаете? — спросил Брал.

Нестор закрыл место ладонью.

— Исправляю дождевое пятно.

Ложь прозвучала просто. Земля под лагерем не дрогнула, потому что была старой. Но чернила на карте отступили от его пальцев.

Брал пожал плечами и вернулся к рисунку.

Нестор наклеил поверх круга чистый кусок бумаги. На нём написал расстояние до деревни и время выхода. Знак исчез.

Мирей подошёл позже, уже с перевязанной половиной лица. Полосу ткани он оставил открытой у глаза.

— Зачем повязка?

— Люди не обязаны смотреть, как мёртвый примеряет меня.

— Тебе не нужно прятаться.

— Это моё лицо. Значит, мне решать, когда его показывать.

Нестор принял ответ.

Ученик наклонился над картой.

— Здесь была вмятина.

— Бумагу намочило.

— Под навесом?

— Раньше.

Мирей провёл пальцем по заплате. Чернила вокруг потянулись к нему, обрисовывая край скрытого круга.

— Что под ней?

— Повреждённый слой.

— Покажите.

— Сейчас важнее дорога.

Мирей выпрямился.

— Вы только что обещали разговаривать со мной, а не с Савеном.

— И разговариваю.

— Тогда почему решаете, что мне можно видеть?

Нестор мог сказать: потому что он мастер, потому что лицо опасно, потому что времени мало. После последних дней каждое оправдание лежало перед ним отдельным инструментом. Он выбрал тот, которым ещё можно было пользоваться.

— Потому что отвечаю за твою жизнь.

Мирей посмотрел на него здоровым глазом.

— Нет. Вы отвечаете за свои решения. Жизнь пока моя.

Он не стал срывать заплату. Просто отошёл.

Это оказалось хуже ссоры.

На рассвете отряд выступил к деревне. Брал оставил половину людей укреплять подход к гряде, остальных повёл с лёгким грузом. Велена ехала верхом, рядом везли сундук первой межи. Мирей шёл впереди Нестора, не рядом.

Дорога поднималась по сухому склону. Через час три крыши стали видны без карты. Они были серыми, одинаковыми и стояли вокруг каменного колодца. У каждого дома сидел человек в гладкой личине без глаз и рта.

Когда путники приблизились, все жители одновременно повернули головы.

Мирей остановился.

— Я это помню.

— Что именно?

— Не деревню. Тишину. Савен стоял здесь и спрашивал, кто высушил колодец. Ему отвечало одно лицо из каждого рта.

Нестор достал карту. Заплата почернела. Пустой круг прожёл её насквозь, а от него к лицу Мирей тянулась тонкая линия.

Он быстро сложил лист.

Ученик услышал шорох.

— Опять знак?

— Потом.

— Нет, мастер. Теперь — сейчас.

Жители встали одновременно. Гладкие личины раскрыли одинаковые рты.

— Ошибки здесь нет, — произнесли они одним голосом.

Под ногами путников треснула сухая земля.

Мирей не отвёл взгляда от Нестора.

— Покажите карту.

Нестор держал её обеими руками. Если открыть, придётся признать не только знак, но и нож, заплату, ложь про дождь. Если не открыть, он сохранит власть мастера ещё на несколько минут и потеряет ученика раньше, чем Межевик взыщет его жизнь.

Он развернул карту.

Пустой круг был виден всем.

— Я узнал его ночью, — сказал Нестор. — И скрыл от тебя. Решил, что имею право выбирать опасность вместо тебя.

Земля не поднялась. Колодец не наполнился. Признание было точным, но ещё не исправляло поступка.

Мирей снял повязку. Чужая половина лица посмотрела на деревню.

— Карту понесу я.

Нестор хотел отказать. Потом протянул её ученику.

Только тогда трещина под ногами перестала расти.

Глава 6. Княжеский срок

Велена запретила читать долговые книги до того, как кто-нибудь успел попросить.

Она спешила у крайнего дома, сняла с седла дорожную печать и прижала её к дощечке, которую Брал держал на ладони. Воск был холодным, но знак наместницы вошёл в него так глубоко, будто его нагрели в огне.

— До замыкания восточной дороги ни одно наследное лицо не пересматривается, — сказала Велена. — Ни здесь, ни в Кривых Прудах, ни в имениях по княжеской стороне от первого камня. Писцы могут принимать платежи по старым записям. Читать спорные строки вслух запрещают.

Одинаковые жители деревни стояли вокруг колодца. У каждого на лице лежала гладкая серая личина с узкой прорезью рта. Никто не спрашивал, откуда взялся запрет. Они будто ждали именно его.

Мирей держал карту обеими руками. Пустой круг на бумаге темнел над деревней, но новая линия больше не тянулась к его щеке. Чужая половина лица оставалась открытой.

— Вы даже не видели их книгу, — сказал он.

— Поэтому запрещаю не только эту книгу.

— Очень предусмотрительно.

— Это моя обязанность.

Велена забрала у Брала дощечку и велела десятнику прочитать приказ. Тот пробежал глазами первые строки, почесал небритую щеку и начал громко, с тем особым усердием, каким неграмотный человек старается не пропустить ни одной знакомой буквы. Когда он дошёл до слов о спорных строках, один из жителей повернул голову к соседу. Сосед повторил движение. Через мгновение вся деревня смотрела на Велену.

— Ошибки здесь нет, — произнесли они вместе.

— И разбирать её сегодня никто не станет, — ответила наместница.

Нестор услышал в её голосе не раздражение, а облегчение. Она боялась не этих людей и не пустого колодца. Она боялась, что кто-нибудь назовёт точную ошибку и земля послушается раньше, чем Палата успеет решить, кому будет принадлежать возникшее.

Он подошёл к дощечке.

— Дай прочитать.

— Ты слышал.

— Я хочу увидеть срок.

Велена протянула приказ. Под последней строкой значилось: «до исполнения меры первой восточной межи либо до истечения сорокового дня». Вторую часть она могла не добавлять. Если дорога не будет замкнута, Межевик взыщет Мирея, но запрет всё равно прекратится. Палата получит право разбирать долги на следующий день после его смерти.

— Ты уже решила, что будет удобнее, если мы не успеем? — спросил Нестор.

— Я решила, что княжество должно пережить оба исхода.

Мирей поднял голову от карты.

— Один из исходов — моя смерть.

— Да.

Велена сказала это без мягкости и без вызова. Мирей помолчал, словно ждал, не появится ли за коротким словом утешительная оговорка. Её не было.

— Благодарю за точность, — произнёс он.

— Ты просил не решать за тебя. Я не стану решать и то, какую правду тебе легче слышать.

Нестор сжал дощечку. Край вошёл в ладонь.

— Для дороги нужна опора. Здесь она появится только после признания.

— Значит, найдёшь признание, не затрагивающее право наследования.

— Так не бывает.

— Бывает всё, что ты сумеешь точно нанести на карту.

— Ты приказываешь мне нарисовать удобную землю.

— Я приказываю провести дорогу. За это князь платил твоей артели двадцать лет, в том числе тогда, когда ты поставил на первой меже чужое имя.

Слова ударили верно. Нестор мог возразить, что оплата не давала права на подделку, но это означало бы спорить с тем, чего Велена и не утверждала. Она напоминала: однажды он уже выбрал полезный итог вместо согласия человека. Теперь она предлагала повторить выбор осторожнее и называла это управлением.

Брал кашлянул.

— Если нельзя книги, можно хотя бы людей спросить? От чего колодец высох.

— О воде спрашивай, — сказала Велена. — О лицах и долгах — нет.

— А если ответ один и тот же?

— Тогда запиши ответ один раз.

Десятник посмотрел на жителей. Те повернули к нему одинаковые гладкие лица.

— Я лучше камни потаскаю, — решил он.

За домами нашёлся низкий амбар. На дверях висели семь замков, а над ними была вырезана ладонь без пальцев. Мирей подошёл ближе. Карта в его руках потяжелела и прогнулась, будто внутри листа набралась вода.

— Книга там, — сказал он.

Жители ответили одновременно:

— В амбаре хранится зерно.

— Тогда откройте зерно, — предложил Брал.

Семеро жителей шагнули вперёд. У первого на шее висел ключ. Он снял его, но сосед удержал его руку. Третий удержал руку соседа. Через несколько мгновений они сцепились в молчаливую цепь, и уже нельзя было понять, кто пытался открыть замок, а кто мешал.

Велена вынула меч и провела остриём по земле перед дверью.

— По праву наместницы опечатываю хранилище до окончания княжеского срока.

— Какого срока? — спросил Мирей.

— Сорока дней.

— Нет. Вы назвали его княжеским. Где это записано?

Она указала на приказ.

— Здесь.

— Здесь написано «до исполнения меры». Слова «княжеский срок» нет.

— Я только что употребила их при свидетелях.

— Значит, придумали сейчас.

— Все сроки когда-то называют впервые.

Мирей посмотрел на Нестора. Не за разрешением — за проверкой мысли.

— Слово может стать мерой, если его повторяют? — спросил он.

— На старой земле — только для людей. На возможной земля иногда принимает слово за границу, если за ним есть поступок.

— Она опечатывает амбар. Поступок есть.

Нестор раскрыл свою сумку и достал маленький дорожный циркуль. Поставил одну ножку в черту, проведённую Веленой, вторую — у порога. Между ними было меньше ширины ладони. Но когда он попытался свести ножки, шарнир не поддался.

— Ты не просто запретила книгу, — сказал он. — Ты дала месту новую меру.

Велена убрала меч.

— Тем лучше. До окончания дороги никто не войдёт.

— В том числе мы.

— Именно.

Под подошвами хрустнуло. От черты у амбара по сухой земле побежала тонкая светлая полоса. Она обогнула колодец, прошла между домами и замкнулась вокруг всей деревни. Пустой круг на карте побелел изнутри.

Мирей шагнул к черте. Чужое веко опустилось раньше его собственного.

— Савен видел такую границу, — сказал он. — Не здесь. В зимнем лагере. Ему сказали, что до окончания работы нельзя читать приложенные имена.

Нестор помнил тот вечер. Писец Эврад принёс свиток и положил рядом с общей ведомостью. Савен потянулся к нему, но княжеский распорядитель накрыл свиток рукавицей. «Сначала дорога, потом лица», — сказал он. Нестор был занят расчётом уклона и не вмешался.

— Это говорил распорядитель Тебен, — произнёс Нестор. — Он называл срок дорожным, не княжеским.

— Смысл тот же, — сказала Велена.

— И итог может быть тем же.

— Итогом стала дорога, которой княжество пользуется двадцать лет.

— И договор, который пришёл за моим учеником.

— Оба итога существуют вместе. Не выбирай тот, который удобнее твоей правоте.

Она была права, и оттого спор становился труднее. Первая дорога действительно кормила Кривые Пруды, по ней возили муку, соль и лекарства. Нельзя было объявить её одним преступлением и тем отменить тысячи чужих поездок. Но полезная дорога не превращала Савеново имя в честную подпись.

— Почему ты думаешь, что пересмотр лиц разрушит имения? — спросил Нестор.

— Не думаю. Знаю.

Велена сняла с пояса узкий кожаный футляр. В нём лежали три листа, исписанные с обеих сторон. На первом были перечислены имения восточной окраины. Напротив каждого стояло имя нынешнего владельца, имя лица и число принятых обязательств. Нестор пробежал строки. Усадьба Лесная держалась на лице прадеда, обязавшегося содержать переправу. Двор Хмельной — на лице бездетной тётки, получившей сад за ежегодную поставку верёвок. Каменный Выгон принадлежал девочке одиннадцати лет, хотя лицо носил её дядя.

— Сорок два владения, — сказала Велена. — В девятнадцати имущество и лицо принадлежат разным людям. В восьми наследник несовершеннолетний. В пяти никто не видел полной записи больше полувека. Если сегодня объявить, что непрочитанное лицо можно отвергнуть, управляющие запрут ворота и перестанут отпускать зерно. Соседи явятся с прежними купчими. Княжеский суд не разберёт даже половину до зимы.

— Поэтому ты оставишь всё как есть.

— До дороги. Потом открою по одному.

— Почему я должен верить слову, которого нет в приказе?

Велена вынула перо. Чернильницы у неё не было. Она протянула ладонь Мирею.

— Карта.

Он не отдал.

— Для чего?

— На обороте запишу обязательство.

— На моей карте уже достаточно чужих обязательств.

Нестор впервые за утро увидел, как у Велены дрогнул угол рта. Не гнев — признание удара.

— Тогда на приказе, — сказала она.

Она уколола палец остриём пера и вывела под печатью: «После замыкания дороги открыть долговые записи восточных имений поочерёдно, начиная с тех, где носитель лица и

владелец — разные люди. До разбора не отнимать дом и пищу у живущих». Ниже поставила имя.

Мирей прочитал.

— Здесь нет срока начала.

— На следующий день после замыкания.

— Запишите.

Велена дописала.

— Нет того, кто проверит.

— Проверишь ты, если останешься жив.

— А если нет?

Она подняла глаза.

— Тогда Лира Ладожина.

— Лире здесь нет.

— Будет.

— Откуда вы знаете?

— Я послала ей копию первой межи ещё до нашего выхода из Кривых Прудов. Попросила поднять исходный реестр и приехать к седьмому камню.

Нестор шагнул к ней так резко, что Брал положил руку на рукоять молота.

— Ты знала про имя Савена раньше?

— Увидела его, когда вскрыла сундук.

— И ничего не сказала в посёлке.

— Сказала у первого камня, когда имя стало условием действующего взыскания.

— Ты решала, какую опасность нам можно видеть.

— Да.

Мирей перевёл взгляд с одного на другую.

— Она сделала то же, что вы с кругом на карте.

— Сделала, — согласилась Велена. — И пока не считаю это ошибкой.

Земля молчала. Точное признание не обязано было нравиться тому, кто его слышал. Оно даже не обязано было исправлять человека. Велена назвала поступок и не отступилась от оправдания: власть требует выдавать сведения тогда, когда ими можно управлять. Поэтому новая земля не возникла, но и не провалилась.

— Вы оба спрятали от меня часть договора, — сказал Мирей. — Один ради моей жизни. Другая ради княжества. Если я погибну, каждый сможет сказать, что выбирал большее благо.

— Я так не скажу, — ответил Нестор.

— Уже говорили другими словами.

Мирей свернул карту и сунул её за пояс. Потом подошёл к светлой черте вокруг деревни и положил на неё ладонь. Кожа сразу побелела, как от долгого холода.

— За границей можно спрашивать о воде? — спросил он.

— Можно, — сказала Велена.

— Можно записывать ответы?

— О воде — да.

— Можно измерять глубину колодца?

— Да.

— Можно искать русло?

— Да.

— Можно узнать, кто приказал его отвести?

Велена помедлила.

— Если ответ не требует чтения наследного лица.

— А если требует?

— Останавливаешься.

— Вот ваша граница, — сказал Мирей Нестору. — Не вокруг деревни. Между причиной и тем местом, где она становится неудобной.

Он убрал руку. На ладони осталась белая полоса.

Брал привёл людей к колодцу. Они опустили верёвку с камнем и насчитали двадцать две локтевых отметины до сухого дна. На девятнадцатой камень ударился о выступ. Мирей лёг на живот, свесился через край и велел повернуть зеркало к солнцу. Луч выхватил на стенке заложенный боковой ход.

— Здесь было русло, — сказал он.

Одинаковые рты жителей раскрылись.

— Вода ушла сама.

— Камни сами сложились в кладку? — спросил Брал.

— Ошибки здесь нет.

Нестор прошёл вокруг колодца. Земля с северной стороны была просевшей, а у крайнего дома росла полоса зелёной травы. Под домом слышалось слабое журчание. Кто-то отвёл воду от общего колодца, но не наружу деревни. Она всё ещё была здесь.

— Нам не нужно открывать амбар, чтобы найти воду, — сказал Брал.

— Воду — нет, — отозвался Нестор. — Опору дороги — возможно.

— Если вернуть русло, люди смогут напиться.

— Смогут. Но земля не станет настоящей от починки трубы. Для неё кто-то должен назвать свой поступок.

Велена встала между ним и амбаром.

— Значит, опору возьмёшь в другом месте.

— Карта ведёт сюда.

— Карта показывает возможность, а не приказ.

— До второго участка осталось меньше тридцати восьми дней. Обход через южные солончаки займёт пять.

— Тогда у тебя тридцать три.

— Ты тратишь дни Мирея, чтобы не открыть книгу.

— Я трачу дни одного взрослого человека, который сам потребовал считать свою жизнь своей. Взамен не подвергаю голоду несколько тысяч. Это мой выбор, и я не стану прятать его за красивыми словами.

Мирей медленно поднялся с края колодца.

— Мою жизнь вы тоже внесли в ведомость.

— Да.

— Под какой строкой?

— Под той, где риск уже существует. Я его не создавала.

— Но увеличили.

— Возможно.

— Не возможно. Обход отнимает пять дней.

Велена посмотрела на светлую границу. Впервые её уверенность дала трещину, но не там, где ждал Нестор. Она боялась не смерти Мирея как таковой. Она боялась неточной записи.

— Хорошо, — сказала она. — Записываем: моим запретом к опасности для Мирея добавлены пять дней обхода.

— И что это меняет? — спросил Брал.

— Теперь она не сможет потом сказать, что задержки не было, — ответил Мирей.

Нестор понял, чему учиться его ученик. Не прощать и не обвинять, а отделять поступок от тумана вокруг него. Савен делал так же. Только Савен спорил со старшими до хрипоты, а Мирей заставлял их собственноручно дописывать строки.

Велена внесла пять дней в приказ.

Карта за поясом Мирея зашуршала. Он вынул её. От пустого круга к югу протянулась бледная дуга. Обход обозначился, но линия была прерывистой и заканчивалась у знака мешка — одной из семи мер.

— Не вся дорога, — сказал Нестор. — По солончакам можно пройти людям, но не провести груз установленной меры.

— Какой груз? — спросила Велена.

— Узнаем у седьмого камня.

— Значит, пока это догадка.

— На карте семь знаков. Здесь проявился мешок. Южный путь его не держит.

Брал взял у одного рабочего пустой мучной мешок, набил сухой землёй и взвалил на плечо.

— Проверим без княжеских слов.

Он шагнул на южную дугу. Первые десять шагов земля выдержала. На одиннадцатом мешок потяжелел так, что Брал опустился на колено. Рабочие бросились к нему, но Нестор остановил их: край дуги уже крошился. Брал развязал мешок. Из него высыпалась не сухая пыль, а мокрая синяя глина, которой в деревне не было. Без груза десятник смог отползти назад.

— Люди пройдут, — сказал он, вытирая лоб. — Телега, зерно или раненый — нет.

— Значит, обход не исполняет меру дороги, — сказал Мирей. — Ваш запрет не добавил пять дней. Он остановил исполнение совсем.

Велена прочитала карту, потом взглянула на опечатанный амбар.

— Есть третий путь.

— Какой?

— Вернуться к первому камню и потребовать другую последовательность опор.

— Межевик ответит буквой договора. Последовательность откроется у седьмого.

— Тогда ищите признание, которое не касается лица.

— Вы снова просите удобную ошибку, — сказал Нестор.

— Нет. Я разрешаю спрашивать о воде. Если кто-то отвёл её ради своего дома, это поступок, а не наследование.

— Откуда ты знаешь, что это разные вещи?

Велена не ответила.

Все жители повернули головы к амбару.

Движение было настолько одинаковым, что стало ответом. Книга внутри связывала и воду, и лица, и право на дома. Разобрать одно, не задев другое, не получится.

Нестор взял приказ и перечитал запрет. Велена запретила пересмотр долговых лиц и чтение спорных строк. Она не запретила установить, какие строки спорные. Не запретила переписать заголовки, печати и имена книг. Не запретила спросить, кто держит ключи.

Он показал текст Мирею.

— Видишь предел?

Ученик прочитал дважды.

— Можно составить опись, не открывая содержание.

— Опись уже есть, — возразила Велена.

— Ваша. Мы составим местную.

— Жители не обязаны отвечать.

— Но могут.

— Все вместе, — добавил Нестор. — Одно лицо не выделится. Пока.

Велена провела пальцем по собственной формулировке. Потом усмехнулась без радости.

— Двадцать лет назад ты нашёл бы лазейку молча.

— Двадцать лет назад я счёл бы её разрешением на всё.

— А сейчас?

— Сейчас это разрешение только на опись.

Он повернулся к жителям.

— Сколько книг в амбаре?

Одинаковые рты дрогнули.

— В амбаре хранится зерно.

— Сколько книг лежит среди зерна?

— Семь.

— Как они называются?

Долгое молчание натянулось над двором. Где-то под крайним домом текла украденная вода.

— Книга дворов, — сказали жители. — Книга колодца. Книга северной пашни. Книга умерших. Книга рождённых. Книга принятого лица. Книга отданного имени.

При последних словах чужая половина лица Мирея вздрогнула. Он прижал ладонь к щеке, но не отступил.

— Чьё имя отдано? — спросил Нестор.

Велена положила руку ему на плечо.

— Это уже содержание.

Он мог стряхнуть её ладонь и продолжить. Ответ был рядом. Возможно, жители называли бы Савена. Возможно, Мирея. Возможно, человека, чьё имя носили все они. Но тогда Нестор использовал бы лазейку как прежний себя: объявил бы предел помехой, раз уж видит пользу за ним.

— Верно, — сказал он.

Мирей посмотрел на него с удивлением.

— Мы остановимся?

— На этом вопросе — да.

— Даже если там ответ о Савене?

— Особенно если там ответ о Савене. Ты не должен платить собой за моё нетерпение.

Он ожидал благодарности и тут же устыдился ожидания. Мирей лишь кивнул и записал названия семи книг на обороте приказа.

От карты донёсся тихий треск. Южная дуга исчезла. Вместо неё вокруг деревни обозначились семь коротких чёрточек, похожих на зубья ключа. Дорога ещё не возникла, но место перестало быть глухим пятном.

— Опись дала карту? — спросил Брал.

— Не землю, — сказал Нестор. — Только точные края незнания.

— И что с ними делать?

— Не называть знанием.

Велена забрала приказ, перечеркнула прежнюю строку о пяти днях и написала ниже: «Запрет остановил меру дороги у деревни; обход груза не держит». Затем добавила: «Разрешена опись хранилища без чтения долговых строк до нового решения наместницы».

— Новое решение когда? — спросил Мирей.

— До полудня завтра.

— Почему не сейчас?

— Потому что я должна выбрать не между книгой и тобой. Между тобой, дорогой, домами сорока двух владельцев, зерном к зиме и правом людей не носить непрочитанное лицо. На такой выбор мне нужен хотя бы один вечер.

— Вы уже выбрали запрет.

— Да. Теперь проверю цену выбора.

Это было не отступление и не обещание отменить приказ. Велена оставалась на своей стороне черты. Но впервые она признала, что управляемость тоже имеет цену, а не служит мерой всех прочих цен.

Нестор разложил лагерь у колодца. Рабочие сняли часть кладки и нашли деревянный жёлоб, уходивший под крайний дом. Они не стали разбирать его дальше: хозяина у дома как будто не было, а все жители называли дом общим. Брал поставил рядом двух караульных, чтобы ночью никто не переложил камни.

Велена запечатала семь замков разными кусками воска. Мирей зарисовал каждый оттиск. Когда дошёл до последнего, чужая рука сама вывела под рисунком имя: «Савен».

Он сразу перечеркнул слово.

— Это написал не я, — сказал он.

— Но рука твоя, — ответил Нестор.

— Поэтому я не стану делать вид, что слова не было.

Он подписал рядом: «Возникло без моего решения». Бумага не изменилась.

Солнце опускалось за северную гряду. На гладких лицах жителей лежал один и тот же медный свет. Они расселись возле домов, оставив колодец пустым. Никто не готовил ужин, не звал детей, не ругался из-за места у огня. Деревня существовала, но жила так, словно ждала разрешения стать разными людьми.

Нестор сел рядом с Миреем у походного стола.

— Карту пока несёшь ты, — сказал он.

— Пока?

— До твоего решения вернуть её.

— А если не верну?

— Будешь картографом раньше, чем я собирался.

— Это наказание или доверие?

— Пока не знаю.

Мирей провёл пальцем по семи чёрточкам вокруг деревни.

— Хороший ответ.

— Неполный.

— Зато не заклеенный.

Нестор принял и это.

У амбара Велена сидела одна перед своим приказом. Рядом лежал список сорока двух имений. Она переставляла камешки с одного листа на другой: дом, зерно, мост, ребёнок, лицо, Мирей. Ни один камешек не был легче остальных только потому, что принадлежал одному человеку.

В полночь Межевик возник за светлой чертой. Его тело сложилось из семи тёмных камней. Он не пытался войти в деревню и не смотрел на замки.

— Княжеский срок записан, — произнёс дух.

Велена поднялась.

— В договоре его не было.

— Теперь есть в земле.

— Кто его принял?

Межевик повернул каменное лицо к одинаковым жителям.

— Та, что поставила печать. Те, кто не назвал отказ. Те, кто остановился у черты.

Мирей встал рядом с Нестором.

— Мы остановились, потому что приказ запрещает дальше.

— Буква не различает страх, согласие и повиновение, пока различие не названо.

— Тогда называю, — сказал Мирей. — Я не принимаю княжеский срок. Я подчиняюсь запрету, чтобы мастер не вошёл в амбар вместо меня и чтобы наместница не объявила любое чтение воровством. Но цену срока своей не считаю.

Карта в его руках дёрнулась. Одна из семи чёрточек отделилась от круга.

Нестор сказал:

— Я остановился у черты, потому что не хочу снова превращать лазейку в согласие другого. Запрет справедливым не считаю.

От круга отошла вторая чёрточка.

Брал поднялся у костра.

— Я остановился, потому что служу наместнице и не хочу под суд. А если по-моему, книгу надо открыть до зимы, не после смерти парня.

Третья чёрточка отодвинулась.

Велена стояла перед Межевиком, держа приказ.

— Я поставила печать, зная, что задерживаю дорогу и увеличиваю опасность для Мирей. Я считаю запрет необходимым до полудня завтра. После этого либо назову новый срок и его цену, либо сниму печать.

Земля под амбаром просела на ширину пальца. Печати остались целы.

— Названное различие принято, — сказал Межевик. — Срок принадлежит поставившей печать. Остальные ему подчинены, но не наследуют.

— Значит, если она умрёт, запрет исчезнет? — спросил один из рабочих.

Велена повернулась к нему.

— До полудня потерпишь.

Рабочий попятился, а Брал спрятал улыбку.

Межевик начал рассыпаться.

— Подожди, — сказал Мирей. — Сколько осталось до взыскания?

— Тридцать семь дней до утреннего часа.

— Дорога остановлена?

— Мера второго участка не исполнена.

— Можно ли исполнить её без книги отданного имени?

Камни уже лежали на земле. Последним ответил верхний:

— Можно исполнить меру без книги. Нельзя узнать, чью меру исполняете.

Дух исчез.

Никто не заговорил сразу.

В амбаре за семью замками что-то тяжело упало, словно большая книга соскользнула с полки. Все жители одновременно прижали ладони к гладким лицам.

— Ошибки здесь нет, — сказали они.

Но на этот раз один голос запоздал.

Нестор услышал его у крайнего дома, над скрытым руслом.

Мирей тоже услышал. Он отметил дом на карте, не задавая вопроса.

До полудня оставалось двенадцать часов.

Глава 7. Деревня без виноватых

К утру одинаковые лица начали трескаться.

Трещины шли не по серым личинам, а по коже возле них. У одного жителя кровь выступила у виска, у другого — под подбородком, у третьего — за ухом. Сами маски оставались гладкими. Деревня словно пыталась разорвать людей, чтобы сохранить общее лицо целым.

Мирей не спал. Он сидел напротив крайнего дома и отмечал на карте каждый звук воды под полом. За ночь журчание трижды становилось сильнее: перед рассветом, во время общего выхода жителей к колодцу и тогда, когда седая женщина вынесла из дома два полных ведра.

— Откуда вода? — спросил Мирей.

— Из запаса, — ответили все жители.

Женщина держала коромысло, но её губы двигались вровень с остальными.

— Где хранится запас?

— В деревне.

— В каком доме?

— В общем.

Крайний дом ничем не отличался от двух других, кроме зелёной травы у фундамента. Над дверью не было имени. На притолоке вырезали двенадцать коротких чёрточек и все перечеркнули одной длинной.

Нестор подошёл к Мирею с двумя кружками отвара. Ученик взял одну, не сводя глаз с женщины.

— Она запоздала вчера, — сказал он тихо.

— Слышал.

— Сегодня не запаздывает.

— Значит, ночью их лицо стало крепче.

— Или она поняла, что мы заметили.

Нестор развернул запасной лист. Основную карту Мирей по-прежнему носил сам. На чистом листе мастер начертил колодец, три дома и предполагаемое русло. Вода прежде подходила с северо-востока, наполняла шахту и уходила в низину. Теперь боковой ход был заложен, а новый жёлоб вёл под крайний дом.

— Чтобы отвести русло, понадобились все? — спросил Мирей.

— Нет. Двое за ночь справились бы. Один — за несколько дней.

— Но лицо у всех.

— Лицо могло появиться после.

— Как наказание?

— Наследное лицо не наказывает. Оно переносит записанное обязательство.

— Тогда какое обязательство требует одинаковых ответов?

Нестор посмотрел на запёртый амбар.

— Не знаю.

Мирей отпил отвар.

— Вы уже третий раз за два дня так отвечаете.

— Привыкаю.

— Вам не идёт.

— Зато карте полезно.

Они дождались, пока женщина поставит ведра возле среднего дома. Вода плеснула через край. Нестор опустился на корточки и коснулся мокрой земли. Она была холодной и пахла железом, как вода из глубокого слоя. В сухом колодце запах был тот же.

— Запас свежий, — сказал он.

Жители повернулись к нему.

— Вода принадлежит деревне.

— Колодец тоже принадлежит деревне?

— Да.

— Почему он пуст?

— Вода ушла сама.

— Тогда та, что в вёдрах, деревне не принадлежит. Она ведь ушла.

Одинаковые рты закрылись.

Брал, слушавший у костра, одобрительно хмыкнул. Велена вышла из палатки уже одетой и с приказом за поясом.

— Не превращай допрос в игру словами, — сказала она.

— Я отделяю один ответ от другого.

— До полудня книги закрыты.

— Мы не читаем книгу.

— Пока.

Нестор посмотрел на небо. До полудня было часа четыре.

— Ты приняла решение?

— Приму в срок.

— А вода подождёт?

— Она ждала не один год.

Седая женщина дёрнула коромысло. Одна личина повернулась к Велене чуть раньше остальных.

Мирей встал.

— Как вас зовут?

— Деревня Тихие Ключи.

— Это название места. Как зовут вас?

— Жители Тихих Ключей.

— Каждого?

— Всех.

— Как позвать ту, которая принесла воду?

— Она услышит вместе со всеми.

Мирей подошёл к женщине. Та не отступила, но пальцы у неё дрожали.

— Если я скажу «эй», вы обернётесь?

Все жители обернулись.

— Если скажу «та, у которой болит правое колено»?

Трое сделали шаг.

— Если скажу «та, кто утром набрала воду под крайним домом»?

Никто не двинулся.

— Видите? — сказал Мирей. — Общее лицо умеет делить вас, когда ответ неопасен. На опасном вопросе оно делает вид, что различий нет.

Серые маски дрогнули. На миг у женщины обозначились скулы. Потом гладкость вернулась.

— Ошибки здесь нет, — сказали жители.

— Тогда назовите поступок без слова «ошибка», — предложил Нестор. — Кто заложил боковой ход колодца?

— Колодец обмелел.

— Кто сложил камни?

— Камни сложены деревней.

— Кто держал первый камень?

- Деревня.
- Кто держал второй?
- Деревня.

Ответы не менялись. Но земля под крайним домом стала влажной. Возможная деревня слышала вопросы и не могла решить, кого считать говорящим.

Нестор велел Бралу принести двенадцать деревянных колышков. Их вбили перед домами по числу перечёркнутых знаков на притолоке. На каждом Мирей нарисовал простую метку: круг, крест, развилка, гребень, чашка, окно, крюк, лист, три точки, волна, зуб и ладонь.

— Выберите по одному, — сказал он жителям.

— У нас одно лицо.

— Я не прошу лица. Выберите колышек.

Никто не двигался.

Брал принёс из котла двенадцать ломтей хлеба и положил по одному возле каждой метки.

— Кто не выберет, останется без завтрака, — объявил он.

Жители разделились мгновенно. Седая женщина встала у чашки. Высокий мужчина выбрал крюк. Девочка лет шестнадцати — три точки. Двое попытались занять место у окна, толкнули друг друга и тут же отпрянули, будто испугались собственного несогласия.

— Значит, для хлеба вы отдельные, — сказал Мирей.

— Хлеб делится по числу тел, — ответили они хором.

— А поступки?

— Поступки принадлежат деревне.

— Кто установил такое правило?

— Деревня.

Нестор обошёл ряд. Возле каждого колышка земля имела немного другой оттенок. Там, где стояла женщина-чашка, проступила красная глина. У мужчины-крюка — мелкий белый песок. Возможная земля различала их лучше, чем они сами соглашались.

— Теперь каждый назовёт то, что сделал сегодня после пробуждения, — сказал Нестор.
— Не важное. Точное.

— Мы проснулись, — ответили жители.

— Не «мы». Тот, кто выбрал крюк.

Мужчина молчал. Остальные повернули к нему маски.

— Я поправил крышу амбара, — произнесли все.

— Руками кого?

У мужчины дёрнулось плечо.

— Моими, — сказал он один.

Его голос оказался низким и хриплым. Другие жители вздрогнули. На колышке с крюком выступила капля смолы.

— Тот, кто выбрал три точки? — спросил Мирей.

Девочка сжала губы.

— Я пересчитала печати, — сказала она едва слышно.

— Зачем?

— Чтобы знать, все ли целы.

На её колышке три выжженные точки стали глубокими.

Один за другим жители называли утренние действия. Кто-то разжёл печь, кто-то вынес золу, кто-то перевязал трещину на виске соседу. Они говорили по одному, пока вопросы не касались воды, амбара или лиц. Тогда общий рот снова перехватывал слова.

Седая женщина у чашки молчала дольше всех.

— Я несла воду, — наконец сказала она.

— Откуда?

Все маски повернулись к ней.

— Из запаса.

Последнее слово произнесла деревня.

Женщина схватилась за горло. Под краем личины вздулась жила. Казалось, общий голос тянет её слова обратно.

Мирей шагнул между ней и остальными.

— Не отвечайте пока. Как вас звали до лица?

Она подняла руку к маске, но не коснулась.

— Имена отданы, — произнесли жители.

— Кому?

— Деревне.

— Добровольно?

— Ошибки здесь нет.

Светлая черта княжеского срока вспыхнула. Вопрос упёрся в содержание запечатанных книг.

Велена подняла ладонь.

— Дальше нельзя.

— Ещё три часа, — сказал Мирей.

— Да.

— За три часа лицо может порвать ей горло.

— Тогда лекарь снимет кровь.

— Не кровь её душит.

— Я вижу.

— И всё равно ждёте?

Велена подошла к женщине, осмотрела жилу и край личины. Потом вынула нож и перерезала ремешок на затылке. Ремешок распался, но маска не сдвинулась. Она приросла к коже.

— Если сейчас сорвать печать, — сказала Велена, — вся деревня окажется свидетелем нарушения моего приказа. Межевик запишет новое обязательство раньше, чем мы поймём старое.

— Он записывает точность, а не послушание, — возразил Мирей.

— Он записывает букву. Именно поэтому я не дам тебе проверить догадку на двенадцати людях.

Женщина опустилась на колени. Остальные повторили движение, хотя их никто не душил.

Нестор присел перед ней.

— Ты можешь не называть имя. Покажи место, откуда взяла воду.

Её рука легла на землю. Все жители положили руки одновременно.

— Не рукой деревни. Своей.

Пальцы женщины поползли по пыли к крайнему дому. Остальные руки остались на месте. Она коснулась колышка с чашкой.

Земля под ним провалилась на ладонь. В углублении блеснула вода.

Общая маска на лице женщины треснула от рта к щеке.

— Я набрала под домом, — сказала она.

Другие жители застонали одним голосом.

— Ты отвела туда воду?

— Нет.

Ответ прозвучал только её ртом. Земля выдержала.

— Ты знаешь, кто отвёл?

Женщина посмотрела на амбар. Светлая черта вспыхнула сильнее.

- Знаю книгу, где записано.
- Не спрашиваю книгу. Ты видела человека?
- Нет.
- Слышала от того, кто видел?
- Да.
- Он здесь?

Она закрыла глаза.

- Его имя отдано.

Черта ударила светом. Женщину отбросило от колышка. Мирей успел поймать её за плечи. На его чужой щеке появилась новая тонкая царапина, точно такая же, как у женщины под маской.

Велена выхватила приказ.

- Всё. До полудня ни вопроса о записи или имени.
- Я не спрашивал имени, — сказал Нестор.
- Земля сочла иначе.
- Земля сочла, что ответ касается книги. Это не одно и то же.
- Для удара хватило.

Нестор хотел спорить, но Мирей уже усадил женщину возле колодца и промывал ей ладони. Ученик не смотрел на мастера. Новый след на чужой половине лица наливался красным.

- Остановимся, — сказал Нестор.

Велена кивнула.

- До полудня.
- До решения Мирея продолжить.
- Ученик поднял голову.
- Продолжу. Но не сейчас.

Они дали жителям хлеб. Каждый взял ломоть у своего колышка, и впервые деревня ела не одновременно. Мужчина-крюк закончил раньше. Девочка с тремя точками отломила половину и спрятала в карман. Маленький мальчик у знака листа долго слизывал крошки с ладони. Лица оставались одинаковыми, но тела возвращали себе привычки.

Нестор сел на камень возле Велены.

- Почему сорок два имения важнее двенадцати людей?
- Не важнее.
- Тогда почему они ждут?
- Потому что решение по этим двенадцати станет правилом для сорока двух.
- Можно записать, что решение касается только Тихих Ключей.
- А Межевик прочтёт слово «лицо» и применит его к каждому договору с тем же словом.

Ты видел, как мельничный долг держался не за муку, а за обороты колеса. Буква шире наших намерений.

- Поэтому надо читать точнее, а не позже.
- Поэтому я жду Лиру.
- Нестор повернулся к ней.
- Она не успеет к полудню.
- Не успеет.
- Значит, срок был ложным.
- Нет. В полдень я обещала решение, а не приезд Лиры.
- Какое?
- Открыть одну книгу.
- Какую?

— Колодца.

— Отданное имя останется закрытым.

— Да.

— Но причина отвода может быть в нём.

— Тогда остановимся на границе причины.

Нестор посмотрел на карту. Семь чёрточек вокруг деревни не соединялись.

— Половина причины не поднимет прочную землю.

— Мне нужна не земля. Мне нужно понять, можно ли вернуть воду, не лишив людей домов.

— А Мирею нужна дорога.

— Поэтому после книги колодца решение перейдёт к нему.

— Ты отдаёшь ему выбор между своей жизнью и чужими домами.

— Этот выбор уже существует. Я лишь перестану делать вид, что могу забрать его себе.

Нестор не нашёл ответа. Велена умела принимать его же требования и превращать их в тяжесть, которую приходилось нести до конца.

В полдень тень от колодезного ворота легла точно на светлую черту. Велена позвала всех жителей и прочитала свой новый приказ:

— Княжеский срок снимается с книги колодца на время одного чтения. Остальные шесть книг остаются под печатями. Читающий не делает выводов о наследных правах до прибытия писца Лиры Ладужиной. Воду разрешено вернуть общему колодцу, если запись не требует отъёма жилища.

— Кто будет читать? — спросил Брал.

— Не я, — сказала Велена. — Мой приказ создал срок. Если я же выберу строки, Межевик сочтёт выбор продолжением власти.

— Тогда Нестор.

— Его подпись стоит у начала этого договора.

Мирей понял раньше остальных.

— Я.

Нестор встал.

— Нет.

— Почему?

— Книга уже тянет твоё лицо.

— Поэтому она не сможет притвориться, что меня не касается.

— Именно поэтому опасно.

— Вы снова отвечаете за мою жизнь?

— За своё решение отдать тебе книгу.

— Тогда не отдавайте. Пусть её вынесет житель и положит на землю. Я прочту сам.

Седая женщина у чашки поднялась.

— Я вынесу, — сказала она одна.

Остальные маски повернулись к ней.

— Почему ты? — спросил Мирей.

— Потому что я брала воду, пока колодец был сух.

— Это не отвечает, почему именно ты должна рисковать.

Женщина долго искала слова.

— Не должна. Хочу перестать пить как деревня.

Мирей кивнул.

Велена срезала печать с первого замка. Жители называли его колодезным, хотя ночью не соглашались различать ключи. Седая женщина сняла ключ с шеи. Остальные не удержали её руки.

За дверью действительно лежало зерно. Мешки были сложены до стропил, но между ними оставался узкий проход к семи железным ящикам. На каждом повторялся один из знаков карты. Книгу колодца обозначал пустой круг.

Женщина открыла ящик и вынесла тонкую книгу в разбухшем кожаном переплёте. На обложке не было имени. Только двенадцать углублений, словно прежде там стояли металлические буквы, а потом их вырвали.

Она положила книгу на землю перед Миреем.

Нестор сел рядом, но не коснулся страниц.

— Читай дословно. Не исправляй старое написание. Не дополняй пропущенное.

— Знаю.

— Если лицо заговорит за тебя, остановись.

— Это тоже знаю.

— Я должен был сказать.

— А я должен был ответить.

Мирей открыл первую страницу. Там перечислялись размеры шахты, глубина, вид камня и дни общей очистки. За каждый двор отвечал названный человек. Имена были зачёркнуты, но рядом сохранились знаки: чашка, крюк, точки, лист. Колышки Мирея случайно повторили старые дворовые метки.

— Они не случайные, — сказал Нестор.

— Я рисовал первое, что приходило в голову.

Чужая половина лица Мирея улыбнулась. Его собственная осталась неподвижной.

— Савен знал метки, — произнёс ученик.

— Закрой книгу.

— Я ещё здесь.

Он перевернул страницу.

Запись об отводе воды была короткой. За девятнадцать лет до нынешнего дня княжеский сборщик потребовал с деревни двенадцать мер зерна. Урожай погиб от раннего мороза. Староста предложил направить воду под общий амбар, устроить там тайное прорасивание и выдать полученный солод за зерно установленной меры. Жители согласились молчать, пока не вернут долг. Солод приняли. Долг закрыли через год. Воду не вернули.

Ниже другой рукой было приписано: «Поскольку согласие было общим, имя первого затворившего русло отдано деревне, дабы вина не разрушила один двор».

— Кто сделал приписку? — спросил Брал.

— Подпись вырвана, — сказал Мирей.

— Это уже книга отданного имени, — предупредила Велена. — Не ищите его здесь.

Нестор прочитал строку ещё раз. Деревня взяла конкретный поступок одного человека и распределила его между всеми, чтобы сохранить дом виновного. Но вместе с виной она раздала всем обязанность молчать. Долг был погашен, а удобство общего лица осталось.

— Кто согласился не возвращать воду после погашения долга? — спросил Мирей.

Жители заговорили хором:

— Деревня.

Земля вокруг колодца осела.

— Это не ответ, — сказал он. — В первый год вы боялись потерять урожай и двор. Что произошло во второй?

— Вода принадлежит деревне.

— Но пользовались ею не все. Кто жил в крайнем доме?

Седая женщина подняла руку.

— Моя семья.

Общий голос попытался повторить, но другие жители закашлялись.

— Кто решил оставить русло под домом?

— Мой отец, — сказала женщина. — А я промолчала, потому что зимой у нас было тепло и вода не замерзала. Потом отец умер. Я могла открыть жёлоб. Не открыла.

— Кому это повредило?

Она посмотрела на мальчика у знака листа.

— Всем, кто носил воду из оврага. Девочке Рее, которая сорвалась на льду и стала хромать. Старому Оду, умершему от горячки после весенней воды. Детям, которых мы учили, что колодец высох сам.

— Чем ты оправдывалась?

Женщина коснулась треснувшей маски.

— Что решение приняла деревня. Что я только родилась в крайнем доме. Что одна не могла спорить со всеми.

— А теперь?

— Теперь знаю: жёлоб был под моим полом. Я слышала воду каждую ночь. Мне не требовалось согласие всех, чтобы вынуть первый камень.

Маска раскололась. Половинки упали на землю, и под ними открылось узкое усталое лицо. Никакого света не было. Просто впервые стало видно женщину.

— Как тебя зовут? — спросил Мирей.

Она закрыла глаза.

— Дара.

У колышка с чашкой забил тонкий ключ. Вода побежала к колодцу, но остановилась у его края. Признание Дары открыло её часть русла, не всё.

— Остальные тоже молчали, — сказал мужчина-крюк.

— Назови себя, — предложил Нестор.

— Зачем? Чтобы вся вина досталась ей одной?

— Чтобы твоя не спряталась в её признании.

Мужчина сорвал маску руками. Кожа на висках лопнула, но лицо под ней осталось его.

— Я Вежен. После смерти её отца увидел жёлоб, когда чинил пол. Не сказал, потому что Дара давала моей семье воду зимой. Я называл это платой за работу. На деле брал долю в молчании.

Вторая струя вошла в колодец.

Девочка с тремя точками назвалась Сеей. Она признала, что пересчитывала печати не ради защиты зерна, а чтобы предупредить взрослых, если кто-то откроет книгу. Брал признал, что утром хотел разбить замки и назвал это заботой о Мирее, хотя больше всего желал быстро получить дорогу и уйти. Один за другим жители отделяли свои поступки от первого отвода воды.

Некоторые не признавали ничего. Они говорили: родились после случившегося, не знали о жёлобе, носили воду вместе со всеми. Нестор не позволял им брать чужую вину ради прочной земли.

— Если не знал, так и скажи, — повторял он. — Неведение не становится ошибкой только потому, что нам нужна дорога.

У тех, кто честно называл незнание, маски не падали, но становились тоньше. Общее лицо теряло власть без обязательного покаяния каждого.

Когда Дара вынула первый камень из-под дома, вода ударила в старое русло. Колодец наполнялся медленно, мутно. Никто не пил. Люди смотрели, как уровень поднимается до первой зарубки.

За деревней из сухой земли выступила каменная площадка шириной в телегу. На ней был высечен знак мешка. Опора второго участка стала настоящей.

Мирей закрыл книгу.

— Мы исполнили меру?

Межевик не появился, но знак мешка на карте почернел.

— Опора есть, — сказал Нестор. — Дороги до следующего места ещё нет.

Велена снова опечатала книгу колодца.

— Остальные шесть ждут Лиру.

Дара посмотрела на амбар.

— Книга отданного имени хранит имя моего отца?

— Возможно, — ответила Велена.

— Я хочу его знать.

— Это право придётся отделить от права на дом.

— Дом останется моим?

— Не обещаю.

Дара помолчала, слушая воду под полом.

— Тогда хотя бы теперь это будет мой выбор.

Мирей внёс её слова на карту. Пустой круг не исчез. Он переместился от деревни дальше на восток и лёг прямо на линию будущей дороги.

Нестор понял: немая мера не принадлежала одному месту. Она будет идти за ними, пока каждый участок строится на чьём-то непризнанном согласии.

До взыскания оставалось тридцать семь дней.

Глава 8. Ошибка мастера

От Тихих Ключей вышли после полудня.

Дара стояла у наполненного колодца без серой личины. Рядом с ней остальные жители казались не людьми, а одинаковыми свидетелями, которых забыли вызвать по именам. Она не просила путников остаться и не благодарила их. Только передала Мирею глиняную бутылку с водой.

— Из колодца? — спросил он.

— Из-под моего пола. Колодезная ещё мутная.

— Значит, жёлоб не закрыт.

— Я вынула три камня. К вечеру выну остальные.

Её ответ был простым и поэтому крепче обещания. Мирей привязал бутылку к седлу. Нестор заметил, что ученик сперва проверил узел собственной рукой, хотя обычно доверял это Бралу. Половина его лица всё ещё принадлежала Савену: чужая скула, короткая складка от носа к губе, более тяжёлое веко. Но движение пальцев было Миреевым.

Велена оставила у амбара двоих стражников до приезда Лиры. Шесть книг снова лежали под семью замками. Княжеская печать над дверью светилась ровно, и Нестор не мог решить, удерживает она беду или только откладывает её до удобного для власти часа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.